

**НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ
МОСКОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 9/2014

**НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ
МОСКОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№9/2014

Рецензируемый научный журнал
Издается с 2002 года

**Издательство Московского гуманитарного университета
2014**

ББК60
НЗ4

ISSN 2307-5937

Главный редактор

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Редакционная коллегия

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Буренко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Винокуров Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник юстиции, старший советник юстиции, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Елисеева Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета — *ответственный секретарь*

Костина Анна Владимировна, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, декан факультета философии, культуры и искусств, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Крылова Елена Борисовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансовых и экономических дисциплин Московского гуманитарного университета

Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Романюк Лариса Валерьевна, доктор педагогических наук, профессор, начальник Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы Московского гуманитарного университета

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ученый секретарь Ученого совета, профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета

Сошникова Тамара Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей

Царегородцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Московского гуманитарного университета

Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ №ФС77-21885 от 14 сентября 2005 г.

Научные труды Московского гуманитарного университета. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. №9/2014. — 63 с.

© Московский гуманитарный университет, 2014

© Авторы статей, 2014

Издательство Московского гуманитарного университета

111395, Москва, ул. Юности 5, к.6.

Контактная информация редакции журнала размещена на официальном сайте:

http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

Подписано в печать 15.09.2014. Тир. 500 экз.

**Редакционный совет журнала
«Научные труды Московского гуманитарного университета»**

Ильинский Игорь Михайлович, доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета — *председатель*

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета — *заместитель председателя*

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, член Союза писателей России

Журавлев Анатолий Лактионович, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, заведующий кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета

Ковалева Антонина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующая кафедрой социологии Московского гуманитарного университета

Королев Анатолий Акимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Ситаров Вячеслав Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Родина», руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой «Искусства и гуманитарные науки» Государственного академического университета гуманитарных наук

Юдин Борис Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, директор Центра биоэтики Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

Образование Дуклянской державы в «Летописи попа Дуклянина» и других источниках¹

Алексеев С.В.

The foundation of Duklja Realm in “Chronicle of the Priest of Duklja” and other sources

Alekseev S.V.

Аннотация: Статья посвящена отражению в источниках исторических событий, связанных с образованием в XI в. Дуклянской державы — сербского государства с центром на территории современной Черногории. Глава «Летописи попа Дуклянина» о короле Доброславе сопоставляется с известиями синхронных событиям византийских и латинских авторов.

Ключевые слова: средние века, источниковедение, «Летопись попа Дуклянина», Сербия, Дуклянская держава, Византия, Стефан-Воислав.

Abstract: The article is devoted to reflection in the sources of historical events related to foundation in the XI century of Duklja Realm — Serbian state centered on the territory of modern Montenegro. Section of “Chronicle of the Priest of Duklja” about King Dobroslav is compared here with information of synchronous Byzantine and Latin authors.

Keywords: the Middle Ages, sources, “Chronicle of the Priest of Duklja”, Serbia, Duklja Realm, Byzantium, Stefan Vojislav.

Настоящая работа продолжает предыдущую статью автора, посвященную анализу «Жития св. Ивана-Владимира Зетского» в *Летописи попа Дуклянина* (Алексеев, 2014). Следующий после повести о мученичестве святого князя ключевой раздел Летописи — история основания Дуклянской державы его двоюродным братом, королем Стефаном-Воиславом. Летопись именует его Доброславом. Действие разворачивается в годы после гибели Ивана-Владимира, когда сербские земли оказались под византийским владычеством (исторически после 1018 г.).

В *Летописи* о «короле Доброславе» повествуется так²:

После смерти Владислава, императора болгарского, император Василий, собрав великое войско и множество кораблей, начал завоевывать земли, и покорил всю Болгарию, Боснию и Раишку, и всю Далмацию, и все приморские области вплоть до пределов Нижней Далмации. Доброслав же, будучи мудр и одарен, подчинился грекам и стал как будто бы их помощником и соратником. С ними ездил он по провинциям и втайне давал советы грекам, чтобы вели себя жестко и несправедливо с народом. Схожим образом и народу говорил втайне:

¹ Исследование проводится при поддержке РГНФ (проект «Памятники сербской средневековой историографии XII-XVII вв.: перевод и исследование», №13-01-00118а).

² Перевод наш, по изданию: Gesta, 2009: 142-154.

«Зачем терпите вы такое великое зло от греков? Неправо судят вас, добро отнимают, жен соблазняют, ваших дочерей-дев развращают и оскверняют. Никогда отцы мои, которые были королями прежде меня, такого с вами не творили. Великое это и тяжкое зло». И поскольку делал он так повсеместно, народ стал прислушиваться к нему и весьма возлюбил, греков же сильно возненавидел. Между тем посоветовался народ меж собой, и в некий день при общем согласии отправив друг к другу посланцев и грамоты, со всех сторон восстал, перебив за один день всех греческих вельмож, сколько их нашлось по всей Далмации. После этого собрался весь народ и послал к Доброславу и его сыновьям, чтобы они пришли и приняли королевство и землю отцов своих. Он же явился со своими пятью сыновьями, теперь молодыми и доблестными воинами, и принял королевство. И начал сражаться с греками, и покорил земли вплоть до Аплицы. Тогда император греков, разгневанный, призвав одного из своих дуксов по имени Арменопул, приказал ему пойти и одолеть короля Доброслава и его сыновей. Тот, собрав великую армию из [знатных] воинов и пехоты, пришел на Зетское поле. Король же Доброслав, собрав войско, отдал часть войска четверем из своих сыновей и послал их в местность зовущуюся Вранина¹, к востоку оттуда, чтобы там дожидались они исхода войны. Сам же с сыном своим Радославом на западе обрушился на греков, и стал их весьма сильно истреблять. Радослав же, сильный и доблестный юноша, разя десницей, пробился до самого дукса, — какового, узнав, ударил мечом и сбросил с коня наземь. При виде этого греки обратились в бегство, и было избито их такое множество, какого никто не сочтет. На многих же из этих беглецов, когда они уже мнили себя спасшимися, поднялись находившиеся на востоке королевские сыновья и перебили их. И было в тот день сокрушение и великое истребление греков. Королевство же Доброслава росло и умножалось день ото дня. Дал, наконец, король сыну своему Радославу жупанию, зовущуюся Гацка², поскольку оказался он доблестен на войне и победоносен. Когда же император греков услышал о происшедшем, то, разгневавшись великим гневом и исполненный сердечной скорби, отправил послов, а с ними немало золота и серебра, — в дар жупану Рашки, и бану Боснии, и князю области Хумской, чтобы те послали армию и роды на короля. Тогда жупан и бан, собрав множество народа, послали к Лютовиду, князю области Хумской, чтобы все множество соединить, а он бы стал князем и предводителем всего народа. Как и стало. Император же, со своей стороны, собрал еще большее войско, чем собирал прежде, и отправил его в Диррахий, приказав некоему топарху Курсилию, который в те дни держал Диррахий и всю землю Драчскую, собрать весь народ Драчской земли, возглавить все войско, пойти и пленить короля и сыновей его, где бы они не обрелись. Итак, Курсилий со всем войском пошел и расположился на поле у города Скодры, чтобы там собрались все. Собрались же они в таком великом числе,

¹ Vurania.

² Белградский Kezsa, Ватиканский Kerza.

что едва находилось им место на той земле. После чего, перейдя реку Дрину, достигли поля у города Антибари. А князь Лютовид со своим войском прибыл в Требинье. Король же Доброслав с сыновьями своими и с родом, оставаясь в Черменице и видя великое множество греков, утрашился, как бы Лютовид не перешел залив и не окружил бы их. Призвал он пять своих сыновей и сказал им: «Видите вы, дорогие дети, сколь велико греческое войско и сколь нас немного в сравнении с ними. Воспротивиться им ратной силой, как видится мне, мы никак не сумеем. Поступим поэтому вот как: двое из вас, Радослав и Гоислав, останутся, а трое других, взяв каждый по 10 удальцов с трубами и рогами и поднявшись на горы, расставят их по вершинам гор, так чтобы греки сочли себя окруженными. Я же с теми, кто будет со мной, посреди ночи нападу на их лагерь. И когда вы услышите звуки рогов и труб, то подобным же образом с вершин гор трубите в рога и трубы и кричите громкими голосами. После чего понемногу спускайтесь к их лагерю, приближаясь, а когда окажетесь вблизи, то не бойтесь, но будьте стойки и сражайтесь мужественно. Ибо Бог Всемогущий предаст их в руки наши». Итак, в вечерние часы три сына короля поднялись в горы и сделали так, как приказал король. В тот же час некий антибарец, друг короля, желая напугать греков, явился к Курсилию и сказал ему: «Берегись, господин, берегись, господин, и будь осторожен, и посмотри, как бы тебе бежать с этим множеством. Следует тебе знать, что великим множеством окружен ты со всех сторон». Каковыя слова распространились по стану, и все были поражены крайним ужасом. Немедленно приказал Курсилий всем оставаться при оружии, бодрствовать и выставить дозоры на расстоянии от лагеря. Между тем король со своим войском выступил в ночной час, понемногу и тихо приближаясь к их лагерю. В полночь же дошли туда, где были греческие сторожа и дозорные, и, напав на них, одних убили, а другие обратились в бегство. Увидев это, греки весьма встревожились. Вскоре король протрубил, и те, кто был с королем, затрубили в рога и начали кричать громкими голосами. Также и сыны короля, бывшие в горах, схожим образом начали здесь и там трубить в рога и трубы, и кричать. После чего, медленно спускаясь по склонам гор, приблизились к врагу. То же самое делал и король. Греки же весьма перепугались и, слыша, что те медленно спускаются, но из-за темноты не в состоянии их увидеть, подумали, что их великое множество, как и слышали от антибарца. Когда же они слышали звуки труб и рогов, и крики, вплотную поблизости и прямо над собой, то, пораженные ужасом, обратились в бегство. И когда поняли король и те, кто был с ним, что греки пустились в бегство, то, с приближением зари, ворвались в их лагерь, стали ранить, избивать и истреблять их, преследуя по пятам. Точно так же и сыновья короля с разных сторон разили и истребляли их. И когда преследовали и убивали их король с сынами своими и своим родом, миновали поток, текущий через Прапратну, и пришли в лес, то Гоислав, не узнав отца своего, — ибо были покрыты оба кровью и пылью, и один не узнал другого, — напал на отца и сбросил его с коня наземь, хотя и не ранил. Тогда тот вскричал громким голосом: «Боже поми-

луй, Божже помилуй!»¹ — по каковому крику сын тотчас узнал его, и сразу соскочив с коня, обнял ноги отца со словами: «Помилуй, отец, не узнал тебя». На что король: «Не бойтесь, сыновья, ибо пока еще милость Божья с нами, потому что не ранили вы и не убили меня». Тогда король, остановившись на том месте, назвал и нарек тому месту имя «Божья милость»², что на латыни означает «милость Бога», каковая местность зовется так до сего дня, ибо милость явил Бог королю, что не был он убит своим сыном и что столь великое множество отдал Бог в руки немногих. А сыновья короля преследовали врага до самой реки Дрины, рая и убивая, а равно и захватывая их, и многих привели связанными к отцу в «Божью милость». Курсилий же спасся тяжелораненый, но когда добрался до поля у города Скодры, то умер. В каковом месте установлен крест, до сего дня зовущийся крестом Курсилия. После этого король послал сына своего Гоислава навстречу князю Лютовиду, дав ему 50 греков, пленных и израненных, чтобы, приблизившись к врагу, отправил их, так израненных и истекающих кровью, в стан князя Лютовиды, и греки рассказали бы ему, что случилось с ними. А если греки не захотят идти, то всем отрубить головы. Так поступил король, чтобы князь со своим войском, увидев их так вырезанными, был потрясен страхом. Гоислав же сделал все, как приказал ему отец. Итак, войско, двинувшись, перешло залив и достигло Конавле. Возшли на гору, что зовется Клобук. Затем, поскольку войско Лютовиды было совсем близко, отправили в его стан вышесказанных греков. Когда те, кто был с Лютовидом, увидели и услышали, что случилось, то весьма устрашились. Лютовид же, поскольку был муж воинственный и проворный с оружием, нисколько не испугался. Итак, послал он к Гоиславу, говоря: «Одаренность твоя нисколько меня не беспокоит. Но если ты муж, и на что-то способен, то возьми с собой двух воинов, и я сделаю так же, и спустимся на равнину сразиться — тогда узнаешь, каков я». Понравилась внешне эта речь Гоиславу, и немедленно взяв с собой двух храбрых воинов, спустился он на равнину. Схожим образом спустился и князь. Но когда они начали сражаться, один из воинов Гоислава, именем Удоб, набросился на князя Лютовиды, поразил его и свалил наземь. Тогда другой начал кричать: «Бегите, соратники и товарищи, бегите, ибо пал и умер Лютовид!» Из-за этой гибели все стали разбегаться. Лютовид же, будучи ранен, забрался на своего коня и постарался бежать. А те, кто был с ним, увидев его павшим и раненым, все обратились в бегство. А Гоислав со своими преследовал их весь тот день, забрал у них добычу и возвратился с победой восвояси. И с того дня оставалась земля на попечении короля и сынов его, и не было никого, кто посмел бы им воспротивиться, но все поддерживали с ними мир. Между тем король Доброслав много благ дал антибарцу, который передал Курсилию, будто тот окружен великим множеством, — постановив, что ни сам он, ни сыновья его никогда не забудут об этом деле. После этого сыно-

¹ В оригинале по-славянски: Вохе (Белгр. Bose) pomiluy.

² Вохуа (Bosya) milost.

вья короля завоевали всю землю Драчскую до реки Воюши. Построили они там крепость и поселили в ней сильных мужей. Те же ежедневно выходили на греков и брали их в плен. Правил же славный король Доброслав 25 лет, и умер лежа в своей постели, в Прапратне, на своем дворе. Сыновья же его, собравшись, плакали по нему, и погребли его в церкви святого Андрея с великими почестями и славой.

Глава о Доброславе — один из наиболее явно связанных со славянской традицией фрагментов *Летописи*. В ней сохранены небольшие обороты на славянском языке, указывающие на передачу «летописцем» славянской *Книги Готской. Замена имени Воислава на «Доброслав» — характерная черта использованной в *Книге устной традиции. Наконец, и само описание противостояния «короля» с Византией выдержано в эпических тонах, с очевидностью отражая развернутое устное повествование.

Обстоятельства покорения сербских земель Византией и их освобождения Стефаном Воиславом восстанавливаются не только на основе *Летописи*, но и из свидетельств других источников. В 1018-1019 гг., после покорения основной территории Болгарии, византийские войска двинулись на северо-запад. *Летопись* утверждает, что были покорены «Босния, Рашка и вся Далмация вплоть до пределов Нижней Далмации». Это согласуется с сообщением византийского хрониста XI в. Скилицы о том, что ромеи остановились у хорватских рубежей: «Император достиг после покорения Болгарии соседних племен хорватов, архонтами которых были два брата, каковые вверили себя и, приняв почести и достойные награды, подчинили и сами племена» (Византиски извори, 1966: 136). Речь идет о братьях Крешимире III и Гоиславе, сыновьях Држислава. Согласно автору XIII в. Фоме Сплитскому, Крешимир уже в 1015 г. являлся патрикием императоров Василия II и Константина VIII (Фома, 1997: 44). О покорении «племен хорватов» сообщает и хронист начала XII в. Иоанн Зонара, опиравшийся на хронику Скилицы (Византиски извори, 1966: 251).

В итоге Адриатический регион оказался поделен на две зоны. Сербия и Сербское Приморье (как минимум Дукля и Требинье) оказались на какое-то время непосредственно подчинены имперским властям. Императорский полководец Константин Диоген, в 1019 г. взявший Сирмий, получил должность «страти́га Сербии» и «архонта Сирмия». С 1026 г. он занимал пост «антипата, патрикия и дуки Болгарии», сохранив за собой Сирмий как резиденцию. На пике карьеры его полномочия распространялись на несколько западнобалканских фем: «антипат, патрикий и дука Фессалоник, Болгарии и Сербии» (Византиски извори, 1966: 138-139).

В Рагузе первое время имелся собственный «правитель» Лампредий, фигурирующий вместе с архиепископом Виталием в акте 1023 г. о создании аббатства св. Бенедикта в Локруме (Codex, 1967: 62-65). «Судьей» называет Лампредия автор стихотворной дубровницкой хроники XIV в. Милеций под 1026 г. (Annales, 1883: 211). Однако в 1040-х гг. в Рагузе уже сидел византийский стратиг (Кекавмен, 2003: 186/7). Образована фема Рагуза была, вероятно, после

набега арабов в 1032 г., который рагузяне отразили совместно со стратигом эфирского Навплия Никифором (Византиски извори, 1966: 169). На решение византийских властей укрепить присутствие в Рагузе могло повлиять и признание в 1022 г. Римом здешней архиепископии (если таковое действительно имело место, в чем многие историки сомневаются, считая соответствующую папскую грамоту поддельной).

Север остался в составе Хорватского королевства, формально признавшего зависимость от империи. Крешимир III, вероятно, энергично воспользовался щедростью императоров. В том же 1018 г. он предпринял масштабное вторжение в Далмацию, стремясь изгнать венецианцев (Documenta, 1877: 431). В итоге Крешимир восстановил хорватское влияние благодаря, в том числе, родству с контролировавшим Задар семейством Мадиев (Codex, 1967: 67). Судя по упоминанию в *Летописи* далее бана Боснии, тогда же здесь был создан с согласия империи зависимый от Хорватии банат. Зависимым от Хорватии княжеством-«дукатом» стал, видимо, и Хум, что позволило восстановиться здесь местному княжескому роду.

Подобное усиление Хорватии не входило в планы имперской политики на Балканах, и уже очень скоро начали возникать конфликты. В 1024 г. византийский катепан в Южной Италии Василий Бугиан похитил жену и сына Крешимира, отправив их в качестве заложников в Константинополь (Documenta, 1877: 434). Как разрешилась, и разрешилась ли эта коллизия, неизвестно.

В 1034 г., после смерти императора Романа III Аргира (1028-1034) в Сербии вспыхнуло восстание против имперских властей. Уже в 1035/6 г. оно было подавлено, о чем сообщает Скилица: «И Сербия, которая после смерти василевса Романа отложились, покорилась снова» (Византиски извори, 1966: 156). Обычно считается, что именно это восстание спровоцировал, как описано в *Летописи*, Стефан Воислав, и что память о его первоначальном поражении из предания исчезла. Оснований для таких заключений почти нет. Стефан Воислав впервые упоминается в византийских источниках в связи с событиями начала 1040-х гг., когда он «бежал из Константинополя». Там он мог пребывать действительно как пленник после восстания 1034-1036 гг., а мог — как почетный заложник вне прямой связи с ним. Собственно, очень похоже описывает первоначальный статус Доброслава *Летопись*, и нет причин ей не верить.

Восстание побудило ромеев внести некоторые изменения в управление областями Адриатики. Прежде всего, они укрепили свою власть в Далмации. Помимо образования фемы Рагуза и назначения сюда стратига, около 1036 г. был захвачен в Константинополе архонт Далмации Григорий Добронья, родственник хорватского короля (см.: Кекавмен, 2003: 316-319; Codex, 1967: 66, 71). Из-под власти хорватов был выведен хумский князь Лютовид. Известна его дарственная локрумскому аббатству от 1039 г., в которой он именуется «прото-спафарием, ипатом и стратигом Сербии и Захлумья» (Codex, 1967: 71-73). Иными словами, фема Сербия продолжала существовать и даже расширилась за счет «Хумского дуката». Однако теперь в ней, противоположно Далмации, бы-

ло учреждено не прямое управление, через посредство местного князя. Согласно *Летописи*, в подчинении Лютовидом находился великий жупан Сербии, а фактически и бан Боснии. Очевидно, подобное выдвижение было связано с заслугами местной знати во главе с Лютовидом в усмирении восстания 1034 г. Центральную администрацию представлял сановник Феофил Эротик, чья резиденция располагалась где-то в Приморье. Он, подобно Константину Диогену, мог иметь должность дуки — местного командующего.

Титул «имперского протоспафария» был дарован к началу 1040-х гг. и хорватскому бану Степану Праске, правой руке короля Степана Крешимировича (см.: Codex, 1967: 75-76, 106). Это, видимо, было призвано успокоить хорватскую знать после очевидных территориальных потерь. Однако Степан I в ходе нового сербского восстания придерживался нейтралитета — объективно недружественного к империи. Затем, как увидим, сложился союз хорватов со Стефаном Воиславом и его наследниками.

Политика империи в Далмации вызывала недовольство и у венецианцев. Дожд Доменико (1032-1041) укрепил независимость аристократической республики от Византии и стремился восстановить доминирование на Адриатике. В 1038 г. (так у Милеция, с указанием на дукат Доменико; в прозаических *Анналах Рагузы XIV-XV вв.* — 1018) венецианцы предприняли попытку захватить построенный рагузянами замок Сан-Лоренцо (*Annales*, 1883: 28, 212). В новых условиях это был открытый вызов империи, наверняка повредивший стабильности в регионе.

Восстание 1040-1042 гг., вылившееся в освободительную войну на значительной части сербских земель, описано в целом ряде византийских источников. Кстати, именно в связи с этими событиями дукляне впервые последовательно называются в византийских источниках «сербам». Другое название, употреблявшееся и применительно к Ивану Владимиру, — «трибаллы» — также закрепляется в это время. Оно связано и с традицией давать современным народам античные имена, и с созвучием названию Требинье, «Травунии».

Скилица сообщает под 1040 г.: «Иоанн послал василевсу [Михаил IV, 1034-1041], который оставался... в Фессалониках, десять кентинариев золота, но корабль, захваченный бурным ветром, ударился об иллирийские берега и разбился. Золото захватил Стефан Воислав, архонт сербов, который некоторое время назад бежал из столицы и занял землю сербов, прогнав оттуда Феофила Эротика. Когда василевс в Фессалониках узнал о потере золота, то написал Стефану, чтобы тот вернул его, не давая своей виной повода к началу войны. Поскольку же тот не дал никакого ответа, послал василевс против него войско, которым предводительствовал евнух Григорий Протевас. Прибыв в страну, он заплутал среди оврагов, падей и непроходимых мест, сгубил целое войско и сам едва спасся» (*Византиски извори*, 1966: 157-158).

В 1042 г. принявший власть император Константин IX Мономах (1042-1056) направил в Сербию новую, более сильную армию. Скилица пишет: «Поскольку Стефан Воислав бежал, как уже упоминалось ранее, из столицы, и за-

нял Иллирийские горы, нападая на трибаллов, и сербов, и окрестные племена, подвластные ромеям, и грабя их, то Мономах, не в состоянии выносить его вторжений, письменно приказал архонту Диррахия, — был то патрикий Михаил, сын логофета Анастасия, — собрать стратиотскую армию Диррахия, какая у него была, заодно с войсками соседних фем, которые были подчинены ему, и вместе с ипостратигами идти на трибаллов, чтобы победить Стефана. Сей же, избалованный и привыкший к наслаждениям, не имел никакого представления о военном деле, так что из-за глупости своей и неловкости стал главным виновником великого несчастья для державы ромеев. А именно — собрав, согласно повелению, силы в количестве около 60 тысяч, он вторгся в страну трибаллов, пробираясь путями крутыми и каменистыми, трудными и тесными, так что и два конника не могли одновременно ими пройти. Сербы, как говорят, намеренно дозволили и допустили их проход, тем более что тот не заботился о возвращении и не оставлял в теснинах достаточно сильной стражи. Пока он разрушал, опустошал и выжигал поля, сербы заняли и удерживали теснины и кручи, ожидая его возвращения. Когда Михаил решил, что достаточно пограбил, собрав много добычи и пленных, что настало время возвращаться, и по пути вошел в теснину, то враги с высот начали кидать камни, метать стрелы и все возможное для метания, сваливая огромные скалы, в то время как окружавшие Михаила не могли ни пустить в ход руки или оружие, ни хотя бы показать пример храбрости. Некоторые сразу пали, а другие скатились вниз по круче и плохо кончили, — так что окрестные пади и речные русла наполнились мертвецами, став проходимыми для преследователей. Пало около 40000, и погибло семь стратигов. Другие скрылись в кустах и деревьях, и в горных падах, и, скрывшись от глаз врага, перебрались через вершины в ночи, — спаслись босыми и голыми, достойными печали и слез для взора тех, кто их видел. С ними спасся и Михаил, разделив ту же самую судьбу» (Византиски извори, 1966: 159-161).

Разгром экспедиции Михаила описывает как пример негодного командования и византийский полководец XI в. Кекавмен, автор военно-политических наставлений: «Ведь враги, зная в клисурах труднопроходимые места, заранее займут их и при твоём возвращении разгромят тебя. Так сделал Тривуний Серб в Диоклее с катепаном Диррахия Михаилом, сыном логофета, и разгромил его войско, насчитывавшее более сорока тысяч человек. Упомянутый катепан, вторгшись в Диоклею, разорил ее, а при возвращении обнаружил, что клисуры, через которые он вторгался, заняты, и был схвачен. Может быть, у него был другой путь, чтобы уйти спокойно, но по недомыслию, а скорее — по неопытности, был взят в плен» (Кекавмен, 2003: 184/5).

Сообщает о поражении Михаила и Зонара: «Некий человек из скифов, по имени Воислав, бежал из Византия и, собрав вокруг себя шайку, скрывался по иллирийским горам как дикий зверь, грабя окрестные и подчиненные ромеям племена трибаллов, сербов и родственные им. Как только сообщили о том василевсу, он написал архонту Диррахия, дабы тот вступил в борьбу со Стефаном. Ведь Воислав носил и это имя. Будучи человеком без всякого воинского

искусства, архонт повел войну против него невежественно и стал виновником ужасного поражения войска, которое возглавлял, и сам спасся едва с немногими, а все остальное войско, не в состоянии даже руки использовать для своей защиты от нападавших, пропало там» (Византиски извори, 1966: 254).

Как видим, изложение событий в византийских источниках отличается от *Летописи* в деталях, но совпадает в основных вехах. В качестве повода к войне «летописец» выдвигает сам факт восстания и успешные завоевания Доброслава, а не захват императорского золота. Между тем, явное нежелание имперской власти реагировать на происходящее объяснялось слабостью императора Михаила IV. *Летопись* называет командовавшего первой экспедицией евнуха Георгия Проватаса Арменопулом. Видимо, так он запомнился в дуклянской традиции по своему этническому происхождению. Место Михаила как предводителя второго карательного похода и наместника Диррахия занимает некий «топарх» (то есть местный аристократ) Курсилий. Знатный род Хрисилиев был хорошо известен в Диррахии. Этот Хрисилий запомнился в предании как эпоним, с именем которого связано название «Курсилиев крест». Славянский «летописец» выдвинул на первое место среди врагов героя славянского же князя Лютовида, которого византийские авторы вовсе не заметили. Таким образом, *Летопись* дополняет византийские свидетельства, описывая события с дуклянской перспективы. Она также отчасти уточняет географию (под Дриной в *Летописи* здесь имеется в виду река Дрин-Бояна).

В то же время после выдающейся победы над вражескими полчищами *Летопись* своего героя оставляет. Дальнейшие деяния Доброслава интересуют «летописца» лишь постольку, поскольку завершают основной сюжет эпического сказания о нем. Упоминается щедрость короля по отношению к антибарцу (первый шаг к союзу между Антибари и Дуклей), а также поход на юг, в земли фемы Диррахий, и строительство там крепости. Завоевание всей фемы до Воюши (Вьосы) — явный вымысел. По крайней мере, город Диррахий империя контролировать не переставала (Аста, 1913: 17). Скорее всего, традиция по созвучию и склонности к преувеличениям спутала Вьосу с Бояной, протекающей по нынешней границе Албании и Черногории.

Между тем, другие источники свидетельствуют о ряде других заметных акций Стефана Воислава по расширению и укреплению своей власти. Прежде всего, не ограничившись разгромом военной силы Лютовида, Воислав и на северо-западном направлении развил успех, завладев Стоном (Кекавмен, 2003: 186/7). *Летопись* не упоминает об этом, вообще не слишком охотно освещая ситуацию в Хумской земле. Судя по всему, местные князья, а затем жупаны продолжали сопротивляться Дукле, и воевать здесь Воиславичам, что признает и *Летопись*, пришлось не раз.

Присоединив Стон, Воислав сумел затем обезглавить византийскую администрацию в Рагузе. Об этой операции подробно рассказывает Кекавмен: «Катакалон Клазоменит был стратигом Рагузы. И захотел стратиг водрузить трофей с помощью притворной дружбы. В крепостях Далмации, в Зете и

Стамне [Стон], был топархом Воислав Диоклейский. Стратиг захотел схватить его. Что же он делает? Он сдружается с ним, посылая ему обильные дары и желая его с их помощью обмануть. Тот же, хотя и был иноплеменником, обладал природной смекалкой и мудростью, основанной на опыте. Он принимал подарки и прикидывался рабом василевса, будто бы из-за доброты и даров стратига. Когда у топарха родился ребенок, стратиг высказал пожелание стать его воспитанником от святого крещения. Тот с радостью ответил: «Если соизволишь и придешь в мой дом». Но стратиг не пожелал. Поэтому они постановили вступить в кумовство в местности, лежащей между фемой стратига и страной топарха. У стратига были наготове дромоны на море (ибо место лежало у моря), чтобы, как только он кивнет, топарха бросили в дромон. Но точно такой же замысел питал и топарх, имея наготове в укрытии храбрых людей, чтобы они, когда он подаст условленный с ними знак, выскочив, схватили бы стратига и всех, кто будет с ним. Что и случилось: они встретились, дружески поприветствовали друг друга и уселись. Но тогда, когда они садились, был подан знак: стратига окружили и, связав его по рукам и ногам, увезли связанного вместе с его сыном и всеми, кто был с ним, и дромоны увели в Стамн. Так, какими силками и сетями хотел уловить, был сам уловлен к посрамлению ромеев» (Кекавмен, 2003: 186-189).

Ни Милеций, ни дубровницкие *Анналы* не упоминают Стефана Воислава. Милецию больше запомнился конфликт при Константине Бодине и его вассале Стефане Боснийском. Борьбу с последним и Милеций, и анналист-Аноним относят с одинаковой почти столетней ошибкой к началу XI в. (*Annales*, 1883: 26-27, 209, 209). Однако Милеций при этом также загадочно датирует противостояние временем «Константина Греческого судьи девятого» (*Annales*, 1883: 207). Если имеется в виду император Константин IX Мономах, то у Милеция могло здесь отразиться припоминание о начальном этапе давления дуклянских королей на Рагузу — как раз при Воиславе.

Воислав проявлял активность и в северном направлении. Из не очень ясных указаний византийских авторов следует, что он проникал в северные горы. Однако после поражения Лютовиды Воиславу удалось, возможно, сломить сопротивление владетелей Рашки и Боснии, после чего продвинуться гораздо дальше. Согласно поздней, XIV в., *Хронике Иоанна Горицкого*, примерно в 1041-1044 гг. «Стефан, король Хорватии, прозывавшийся Воиславом, разорил горы трибаллов и сербов до самой Дрины, и поставил баном [в Славонии] Праску» (*Documenta*, 1877: 472).

Степан Праска — бан короля Хорватии Степана I. Хронист смешивает соименных сербского и хорватского королей, но это смешение не случайно. Точно так же как единый народ или союзников представляют сербов и хорватов византийские авторы в связи с военными действиями 1070-х гг. Очевидно, союз возник после первых впечатляющих побед Стефана Воислава. Степан I не стал оспаривать захват Стонана и походы в Боснию, а Воислав оказал военную помощь хорватам при очередном возвращении Славонии. Помощь такую он мог

оказать лишь в том случае, если его войска свободно продвигались вдоль Дрины, в пограничье Рашки и Боснии.

В замене имени «Воислав» на «Доброслав», характерном эпическом приеме *Летописи*, отразилось все значение основателя дуклянской династии и Дуклянской державы для его подданных и потомков. В контексте *Летописи* это особенно заметно — поскольку Доброслав оказывается последним представителем династии, не запятнанным ни неудачами, ни несправедливостью и уособицами.

Титул Воислава в византийских источниках — «архонт», «топарх». В *Хронике Иоанна Горицкого* он король, но вследствие путаницы со Степаном Хорватским. «Летописец» же именует королями и всех предшественников Воислава. Разумнее, кажется, предполагать, что он сохранял княжеский титул, как и первое время его сыновья — о чем говорит сама *Летопись*.

Срок правления в 25 лет кажется недостоверным. Правление Воислава надежно датируется исходя из сведений Скилицы. Согласно последнему, Михайло наследовал Воиславу примерно в 1052 г. (Византиски извори, 1966: 162). Таким образом, с момента бегства из Константинополя Воислав правил примерно 12-13 лет. Традиция могла преувеличить годы правления «Доброслава» до достойной эпической величины. Однако не исключено, что уже с 1027 г. Воислав признавался в качестве наследственного правителя Требинье или Дукли под патронажем ромеев. Начало главы о Доброславе, собственно, вполне поддается такому толкованию. Это увеличивает вероятность участия Воислава в восстании 1034 г., которое, следовательно, могло стать причиной его константинопольского плена. Однако доказательств этому недостаточно.

Важным средством для удостоверения родового предания дуклянских королей, естественно, являлись места их погребения. «Летописец» с этого времени фиксирует их гораздо тщательнее, чем раньше. Это различные храмы Дукли, не всегда известные ныне. «Доброслав» — единственный правитель, погребенный в храме св. Андрея в Прапратне. Эта местность между Баром и Улцинем упоминается и далее в *Летописи*, и схолиастом Скилицы Михаилом Девольским как резиденция Михайлы Воиславича.

Список литературы:

- Алексеев, С.В. (2014) Святой Иван-Владимир Зетский в «Летописи попа Дуклянина» и других источниках // Научные труды Московского гуманитарного университета. №6. С. 4–14.
- Византиски извори за историју народа Југославије. (1966) Т. 3. Београд: Научно дело.
- Кекавмен. (2003) Советы и рассказы / пер. Г. Г. Литаврина. СПб.: Алетейя.
- Фома Сплитский. (1997) История архиепископов Салоны и Сплита / пер. О.А. Акимовой. М.: Индрик.
- Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia. (1913) Vol. 1. Vindobonae
- Annales Ragusini Anonimi item Nicolai de Ragnina (1883). Zagrabiae.

Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. (1967) Vol. I. Diplomata annorum 743-1100. Zagrabiae: Izdavački zavod Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti.

Documenta Historiae Chroaticae periodum antiquam. (1877). Zagrabiae:

Gesta Regum Sclavorum. (2009) Београд: Историјски институт. Т.1.

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, главный редактор журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета», председатель Историко-Просветительского общества «Радетель».

Alekseev Sergey Viktorovich, Doctor of History, Professor, Head, Department of History, Moscow University for the Humanities, the chief editor of the journal «Studies of the Moscow University for the Humanities», Chairman of the Historic-Educational Society “Radetel”.

**Чувствительный исполнитель
О. И. Елисеева**

**Sensitive Executor
O. I. Yeliseeva**

Аннотация: Статья посвящена первым шагам А.Н. Радищева в Санкт-Петербурге, его служебной карьере, складыванию социально-политических и литературно-эстетических взглядов.

Ключевые слова: А.Н. Радищев, биография, Просвещение, сентиментализм, аристократический либерализм, оппозиция абсолютизму.

Abstract: This paper is devoted to the first steps of the A.N. Radishchev in St. Petersburg, his career in the service, and formation of his socio-political and literary-aesthetic views.

Keywords: A.N. Radischev, biography, Enlightenment, sentimentalism, aristocratic liberalism, opposition to absolutism.

Настоящая статья продолжает предыдущую, посвященную пребыванию А.Н. Радищева и его товарищей по учебе в Лейпцигском университете (Елисеева, 2014).

В октябре 1771 г. бывшие студенты вернулись на родину. Их чувства при пересечении границы переданы в «Житии Федора Васильевича Ушакова». «Вспомни нетерпение наше видеть себя паки на месте рождения нашего, — обращался Радищев к Кутузову. — ...Вспомни о восторге нашем, когда мы узрели между, Россию от Курляндии отделяющую... Могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества... Последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило».

Что же, собственно, произошло? Или студенты думали, будто узрят Россию такой, какой она представлялась Вольтеру? Но за розовые очки «фернейсому мудрецу» хорошо платили. Он не родился, как наш герой, под Саратовом, не владел деревеньками и не знал самых болезненных русских вопросов. В Лейпциг учащимся писали родные и вряд ли сообщали, что дома жизнь переменилось волшебным образом. Молодых дворян для того и учили на казенный счет юриспруденции, чтобы, используя более позднее выражение Александра I, было «кем взять».

Поэтому изображение шока, который правоведы якобы испытали, попав в Россию, кажется надуманным. Тем более после уверений, будто они не теряли связи с родиной. Связи не теряли, а язык забыли. Об этом сообщал Панину Белосельский, об этом же вспоминал по рассказам отца и сын писателя: «При отправлении их (студентов. — О. И.) на долгое время в чужую землю им не дано было учителя русского языка, так что, в пять лет пребывания своего в Германии они почти забыли свой язык и, в разговорах на нем, вмешивали многия латинския, немецкия и французския слова» (Радищев, 1872: 575).

Ничего удивительного в сказанном нет. Человек говорит, пишет и думает на том языке, на котором читает. А читали юноши по-немецки и по-французски. Вспомним, княгине Дашковой показали книгу Радищева «Житие...» именно для того, чтобы подчеркнуть, как плохо молодые писатели владеют русским. Позднее, в крепости, наш герой сам признавал: «До женитьбы моей я более упражнялся в чтении книг, до словесных наук касающихся; много также читал я книг церковных, следуя совету Ломоносова, ибо, имея малое знание в российском письме, я старался приобрести достойныя в оном сведения, дабы в состоянии быть управлять пером» (Процесс, 1952: 188).

Перевод с греческого статьи Антона Гики, возможно, задержался именно из-за языковых сложностей. Во всяком случае, он наполнен германизмами, например, о Греции сказано: «Страна, которая ныне есть феатром толь многих злоключений» (Старцев, 1990: 179). Русский нашего героя стал результатом долгих усилий и нарочитого конструирования, он был столь же мало внятен современникам, как и потомкам (Сухомлинов, 1888: 13). Как бы ни было неловко исследователям творчества «первого русского революционера» признавать, что по приезду домой Александр Николаевич плохо владел родным языком, источники говорят именно об этом. Наш герой, конечно, мог поддержать простой разговор, но делопроизводственному и литературному слогу предстояло учиться.

9 декабря 1771 г. молодой Радищев вместе с друзьями А.М. Кутузовым и А.К. Рубановским был назначен служить в Сенат протоколистом. Между тем, из письма князя Белосельского первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел Н.И. Панину следовало, что нашего героя возьмут именно в его учреждение. Посланник даже просил для Александра Николаевича покровительства вельможи. Подобный шаг был бы естественен не только потому, что на протяжении всех пяти лет коллегия и лично Панин уделяли внимание русским студентам за границей. Но и потому что дрезденское посольство связывали с группировкой Панина прочные узы.

У Белосельского секретарем служил Ипполит Богданович, некогда редактор «Невинного упражнения», пользовавшийся покровительством Дашковой. Именно она после закрытия журнала устроила писателя секретарем к своему дяде генералу Петру Ивановичу Панину. А уже оттуда, с военной службы, тот перешел на дипломатическую, под крыло другого родственника княгини — Никиты Ивановича — и был отправлен в Дрезден. Секретарем самого «первоприсутствующего» трудился Д.И. Фонвизин, по матери родственник Аргомаковых, а дипломатическим курьером — брат драматурга Петр, передавший Радищеву статью Гики. Наконец, секретарем Теплова — креатуры Панина — был ближайший друг Радищева — Ушаков.

Для описываемой эпохи все эти связи — не пустой звук. Их необходимо учитывать, чтобы понять смысл того или иного события. В частности, назначения Радищева в Сенат. Среди служащих Коллегии иностранных дел, под непо-

средственным покровительством ее руководителя нашему герою было бы уютно, поскольку он с товарищами перемещался по карьерной лестнице внутри одной партии, где уже воспринимался как свой. Добавим, что группировка Паниных отстаивала принципы аристократического либерализма и выступала за создание при императрице Совета, который ограничил бы ее права. В этом кругу Радищев, полный просветительских идей, мог встретить чиновников, читавших те же книги и мысливших сходным образом.

Казалось, все говорило за коллегия, но незадолго до приезда лейпцигских выпускников Панины сама подставила себя под удар. 5 октября 1770 г. в Петергофе состоялся великолепный праздник в честь взятия Петром Паниным Бендер. Екатерина II пожаловала победителю орден св. Георгия 1-ой степени. Но герой не был доволен наградой. Третий год войны с Турцией оказался щедр на победы. 24 июня 1770 г. эскадра под командованием А. Г. Орлова разбила турецкий флот в Чесменской бухте, а 16 сентября пали Бендеры. Алексей Григорьевич стал первым в России георгиевским кавалером, Петр Иванович обрел кавалерию Большого Креста. Тот факт, что Орлов получил перед Паниным «старшинство», будучи пожалован раньше, оскорбил генерал-аншефа.

Позднее его брат — Никита Иванович — в проекте «О фундаментальных государственных законах» намекал на эту обиду: «Посветя жизнь свою военной службе, лестно ль дослужиться до полководчества, когда вчерашний капрал, неизвестно кто и неведомо за что, становится сего дня полководцем и принимает начальство над заслуженным и ранами покрытым офицером? ...Есть ли способ оставаться в службе мыслящему гражданину?» (Панин, 2000: 288)

19 октября 1770 г. покоритель Бендер уехал в Москву. Он был фигурой настолько заметной, что о его поступке сообщали своим дворам все иностранные послы. Первопрестольная приняла Петра Ивановича как незаслуженно обиженного героя войны, и тот сумел блестяще воспользоваться выгодами этого положения. Генерал-губернатор М.Н. Волконский не раз жаловался в письмах Екатерине II на «известного большого болтуна», настойчиво твердившего, что после совершеннолетия цесаревича Павла, корона должна быть передана ему.

С 1771 г. в донесениях иностранных дипломатов замелькали отрывочные сообщения о том, что «низкие люди... желали свергнуть императрицу с престола под тем предлогом, что ей была вручена корона лишь на время малолетства сына, и возвести на престол великого князя» (Сб. РИО, 1873: 431).

В течение нескольких лет Екатерина II вела скрытую войну со сторонниками сына. Взаимные удары следовали один за другим. Осенью же 1771 г. в Петербург из первого заграничного путешествия вернулась княгиня Дашкова. Чтобы предотвратить ее политическое сближение с дядей, императрица выдала прежней подруге крупную сумму — «десять тысяч рублей» (Тычинина, Бессарабова, 2009: 70). В русле этих событий следует рассматривать и назначение лейпцигских выпускников в Сенат. Екатерина II не хотела усиливать ими ве-

домство потенциального противника и отдала своему стороннику генерал-прокурору А.А. Вяземскому.

Обычные в историографии рассуждения об утрате императрицей интереса к законодательной деятельности (Старцев, 1990: 177) ничего не объясняют. В Сенате молодым юристам как раз предстояло столкнуться с отечественными законами до их кодификации — зрелище неприглядное, но поучительное. А вот в Коллегии такой практики не было.

Решая судьбу будущих правоведов, Екатерина II, помимо прочего, имела в виду их ознакомление с делами. Сами по себе юноши, получившие образование за границей, были лакомым куском, и с ними, конечно, носились. Привычные сетования на равнодушие к молодым юристам (Берков, 1949: 403) — не более чем дань концепции. Однако и сами молодые люди претендовали вовсе не на места протоколистов. В «Житие» Радищев открыто писал об этом: «Положим, что ты пребыванием своим в училище приобретешь знания превосходнейшие, что достоин будешь управлять не токмо важным отделением, но достоин будешь венца; неужели думаешь, что тебя Государь поставит на первую по себе ступень? Тщетная мечта юного воображения! По возвращении твоём имя твое будет забыто».

Попробуем понять, какое место занимали протоколисты в Сенате. И уже, исходя из этого, определим, высоко или низко «трактовали» Радищева и его друзей. Прежде всего, назначение рассматривалось как награда за отличное окончание университета. После доклада Вяземского собрание всех департаментов Сената вынесло резолюцию: «награждая их по достоинству штатными чинами, определить к делам». Юноши стали титулярными советниками, что равнялось чину капитана в армии и соответствовало 9 классу по «Табели о рангах» (Макогоненко, 1956: 130). Радищев и Рубановский были назначены в Первый департамент, а Кутузов в третий.

Протоколисты составляли экстракты — краткие изложения — разбиравшихся в Сенате дел. Они же писали и черновик резолюции по делу. Сенаторы собирались трижды в неделю по понедельникам, средам и пятницам, заседали с 10 утра до часу дня. Знакомились с экстрактами и на основании черновика резолюции выносили решение. При чем за одно заседание рассматривалось до двадцати дел. Конечно, изучить их подробно сенаторы не могли и опирались на экстракт с резолюцией. Таким образом, фактически именно протоколисты определяли судьбу дела. Позднее Николай I скажет: «Россией управляют столоничальники: все кто ниже, только переписывают, все кто выше, только подписывают». После Лейпцига Радищев и его друзья попали в «столоничальники» — именно это среднее звено между сенаторами и мелкими служащими толкало работу государственной машины.

Первый департамент занимался обширным кругом вопросов: собирал сведения о численности населения, о налогах, о доходах и расходах учреждений, ему были подведомственны все коллегии, Герольдия, Синод, Соляная и Банковская конторы, Тайная экспедиция, Монетный департамент, Канцелярия

конфискации, городские магистраты и управление заводами (Звягинцев, Орлов, 1994: 127).

Трудно представить материал, более подходивший для ознакомления с реальным управлением страной. В Лейпциге студенты изучали юриспруденцию, в Сенате наблюдали, как благие пожелания законодателей преломляются в повседневной жизни. Первый департамент давал возможность погрузиться в грудную клетку государства, увидеть его работу изнутри. Все неполадки и злоупотребления открывались как на ладони.

Еще один, наряду с русским языком, болезненный вопрос — знал ли Радищев в момент поступления в Сенат отечественное право? Исследователям снова неудобно признать, что наш герой не разбирался в проблемах родного законодательства. А как могло быть иначе? В Лейпциге на официальных лекциях читали право Священной Римской империи, а Гельвеций и Мабли толковали о международных договорах. В России до кодификации дела решались часто по прецеденту, т. е., не найдя нужных законов, судьи обращались к указам, более или менее близким по времени, и на их основании составляли резолюцию. Отечественная юридическая лексика пока не соответствовала европейской.

Показателен один случай: в 1762 г. только что вступивший на престол император Петр III направил в Сенат кодекс Фридриха II, приказав руководствоваться им при решении дел. Однако переводчики не смогли передать мысли прусского короля из-за отсутствия в русском необходимой терминологии (Рюльер, 1996: 61). Эта терминология развивалась, за счет переводов. Русский язык учился выражать мысли, которые прежде не обсуждались на нем. Понадобятся три с лишним десятилетия развития отечественной законодательной культуры при Екатерине II, чтобы соответствующий словарь вошел в употребление.

Поэтому в Сенате Радищев и его друзья оказались среде, очень далекой от круга их понятий. Юношам предстояло применяться к существующей практике и как бы изнутри подтапливать ее, внося в обиход полученные за границей знания.

Практика поминутно входила в диссонанс с теорией. Тем более что русская юридическая мысль того времени не знала огромного числа европейских терминов (Например, депутаты Уложенной комиссии впервые услышали из Наказа императрицы о таком понятии, как презумпция невиновности). Новые слова, выражавшие новые идеи, еще только опробовались при переводе просветительских книг.

Служащие сената вовсе не были довольны молодыми назначенцами. Сын писателя сообщал: «Незнание русского языка, товарищество с приказными и обхождение высших чиновников, не отличавших их от прочих приказнослужителей, сделали им сей род служения противным» (Радищев, 1872: 576). Очевидно, юноши хотели большего, а им приходилось копать в кишках самодержавного государства, поминутно негодуя и не имея возможности ничего исправить.

Хуже того — они оказывались окружены существами, которых считали намного ниже себя. «Ты поместишься в число таких людей, кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, — сказано в «Житие», — но и душевными качествами иногда ниже скотов почестья могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними обращаться должен. Окрест себя увидишь нередко согбенные разумы и души... Возненавиден будешь ими».

Эти «согбенные разумы и души» были далеко небезопасны, от них можно было заразиться мздоимством. «Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения своих целей нужна приязнь всех тех, кто хотя мизинцем до дела касается, — рассуждал Радищев, — и для того употребляют ласки, лесть... дары, угождения... не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но и... к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и, если собака тут случится, и ту погладить не пропустят». Именно от этой фразы «Жития» берет начало знаменитый монолог Молчалина из «Горя от ума» А.С. Грибоедова, которому отец завещал «угождать всем людям без изъятья», даже «собаке дворника, чтоб ласкова была».

Подобная атмосфера, по мысли писателя, губила молодые дарования. «О вы... властители, — кипел он в «Житие», — колико вы бываете... близоруки... упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквас, воздымающий сердце юности. Единожды смилив его нередко навеки соделаете калекою».

Что же «утушало заквас» молодого юриста? Сохранились протоколы 22 дел, которые вел наш герой. О приписке к заводам крестьян — отказано. О порядке захоронения умерших от «моровой язвы». О делах воспитательного дома для сирот. О штрафе генералу Изъединову, который показал в ревизской сказке живых крестьян мертвыми (сумма за каждую утаенную душу составила 200 рублей). О невыполнении подрядчиком купцом Погодиным условий помола ржи и доставки муки в столицу. О заготовке соли в Крыму. О правилах откупа водки. О беспошлинных товарах. О «выключении из подушного оклада» рабочих Липецких казенных заводов, поскольку те работают за жалование. Об отдале местных прокуроров под суд за взятки. О возбуждении уголовного дела против подпоручика Семена Руднева за посылку «людей своей жены для кражи лошадей». О продаже чужих крестьян. О закладе чужих имений. Виновных лишали дворянства, наказывали кнутом и ссылали в Сибирь (Макогоненко, 1956: 136).

Надо признать, обыкновенная приказная рутина. Она сама по себе способна была «утушить заквас» и сделать «калекой». Тем более, если человек приступал к исполнению должности с чувствами, описанными у справедливого прокурора Крестьянкина в главе «Зайцово» «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Друг мой! Какое обширное поле отверзается мне... Какое упражнение для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости... да опустеют темницы и да не узрит их оплошная слабость, нерадивая неопытность и случай во злодеяние не вменится николи... иссякнут слезы страждущей невинности и просто-душия».

Возможно, так думали юноши при поступлении в Сенат. Но там требовалось исполнять, а не менять закон. Крестьянкин жаловался, что нашел в своей должности «желчь и терния»: «Видел я решения мои осмеянными... видел их оставленными без действия... видел благие мои расположения исчезающими, яко дым... Нередко в затруднительных случаях... я прибегал к закону... но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости».

Действительно, законы были суровы, а нравы грубы. Сам Вяземский отличался честностью и скупостью: радел о казенной копейке. Но характера, если верить Г. Р. Державину, был въедливого, завистливого и малопросвещенного, не смотря на то, что окончил Сухопутный шляхетский корпус. Слова Крестьянкина считают откликом Радищева на службу в Сенате. При этом не замечается, что в образе торопливого начальника выведен генерал-прокурор, уподобленный «хищному зверю»: «В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел... Для освобождения действительного злодея и вредного обществу члена... начальник мой, будучи не в силах меня преклонить на незаконное очищение злодейства или обвинение невинности, преклонял к тому моих сочленов... Они же, во мзду своего гнусного послушания, получали почести».

Так ли обстояли дела в действительности? Вяземский был очень недурным руководителем Сената, и продержался на своей должности 28 лет отнюдь не благодаря «ласкательствам», а благодаря абсолютной преданности императрице и... склочному характеру, не позволявшему договориться ни с одной из придворных партий. Однако в данном случае для нас важно, что Радищев *так видел*. Бесконечное составление экстрактов, заметная часть которых касалась наказуемых законом преступлений, особым образом повлияло на его зрение.

В «Путешествии из Москвы в Петербург» А.С. Пушкин применительно к нашему герою рассуждал о том, как будет выглядеть реальность, если ее целиком построить на описании уголовных дел: «Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников — волоса встанут дыбом... Уголовные дела везде ужасны» (Пушкин, 1962: 433-434).

Из службы в Сенате молодой юрист вынес убеждение, что чувствительному человеку, готовому с горячностью отстаивать права невинности, в высшем судебном органе не место. При этом он говорил не столько о злоупотреблениях, сколько о своих эмоциях по поводу увиденного. Эту особенность следует учитывать, раскрывая не только творческий метод писателя, но и его взгляд на мир. Он кипел, негодовал, «воспалялся» с преувеличенной, «жеманной» по Пушкину, страстью. С болезненной впечатлительностью, с раздраженными нервами. А это уже признак сентиментального, отдающегося эмоциям индивида — черты, ярко воплотившиеся в первом по-настоящему художественном произведении Радищева, в «Дневнике одной недели».

В обыденном сознании наших соотечественников сентиментализм как литературное течение ассоциируется прежде всего с «Бедной Лизой» Карамзина. Но сам автор «Писем русского путешественника» высмеивал подход, согласно которому «чувствительный» текст всегда имеет в виду «Берега хрустальных речек,/ Милых маленьких овечек/ И собачку под кустом».

Значительная часть сентиментальной литературы не только не чуралась социальных проблем, но и ставила их во главу угла — в той мере, в которой бедствия невинности возбуждали сострадание. Главное «революционное» произведение русской классики являлось и главным сентиментальным. Радищев говорил не столько о самой реальности, сколько об эмоциях, возбуждаемых ею. Для него это были ужас и отвращение.

В начале 1770-х гг. писатель попытался отточить модный литературный метод, посвятив небольшой по объему текст одному чувству — болезненной разлуке с друзьями. Все иные эмоции в повести молчат. Перед нами день за днем разворачивается анализ душевного состояния героя, горе которого вызвано одним толчком: «Уехали они, уехали друзья души моей в одиннадцать часов поутру». Начав с разлуки, Радищев заканчивает возвращением, раскрыв перед читателем целый веер оттенков переживаемой скуки: от нетерпения до проклятий: «Друзей моих нет со мною, где они? Почто отъехали? Конечно, жар дружбы их и любви столь мал был, что могли меня оставить! — Несчастной! что ты произрек? Страшись!»

Герой разговаривает сам с собой, но в одиночестве ему тяжело и несносно. В каждой главке от «Субботы» до «Субботы» автор обрушивает на читатель целый шквал восклицаний и старается поймать малейшее изменение своего душевного состояния. Понятно, почему исследователи советского периода уютно чувствовали себя рядом с этим неожиданным для пламенного революционера текстом. Его называли, но старались не углубляться в анализ. Поскольку «Дневник...» как бы ни о чем не рассказывал. То ли дело «Житие...» Однако именно благодаря дневнику, можно сделать заключение о душевном состоянии Радищева тех лет.

Приведем несколько отрывков: «Второй уже час; я возвращаюсь домой; сердце бьется от радости: облобызаю возлюбленных. Двери отворяются, — никто навстречу ко мне не выходит. О, возлюбленные мои! вы меня оставили. — Везде пусто... Не мог я быть один, побежал стремглав из дома и, скитаясь долго по городу без всякого намерения, наконец, возвратился домой в поту и усталости».

В воскресенье герой пытается пойти в гости, но и там может думать лишь о друзьях, с которыми бывал в этом доме прежде. Он скован, мрачен, не может толком поприветствовать хозяев. В понедельник он не находит себе места: «День ото дня беспокойствие мое усугубляется. На одном часе сто родится предприятий в голове, сто желаний в сердце, и все исчезают мгновенно». Чтобы развеяться, едет в театр, но там дают «Беверлея», пьесу французского драматурга Сорена, где промотавшийся игрок принимает яд. Самоубийство, как раз-

вязка всех жизненных коллизий — одна из любимых тем Радищева — порождает новый вихрь в душе: «О! колико тяжко быть обмануту теми, в которых полагаем всю надежду!».

Ко вторнику герой так ослабел, что не мог уже встать с постели и отправиться на службу: «Спал я очень долго, — здоровье мое почти расстроилось... должность требует моего выезда, — невозможно, но от оногo зависит успех или неудача в делопроизводстве, зависит благосостояние или вред твоих сограждан, — напрасно. ...Если бы мне пришли возвестить, что комната, в которой я лежал, скоро возгорится, то я бы не шевельнулся». К среде несчастный не может уже есть: «Зовут обедать — мне обедать? С кем? одному! — нет — оставь меня чувствовать всю тяжесть разлуки — оставь меня».

В четверг или «четверток», как тогда говорили, герой решает усладить свой внутренний взор видом могил и надгробий. Он покупает в лавке два апельсина и крендель и отправляется на Волково кладбище, где, сев на могильный камень ест и рассуждает о тщете сущего: «На месте сем, где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний, поучимся заранее взирать на скончание дней наших равнодушно».

Конец недели проходит в тех же стенаниях. В пятницу герою снится сон, что друзья его не узнают, и он разражается проклятьями по их адресу. В субботу его ободряет мыслью, что скоро разлуке конец: «Возлюбленные мои возвратятся завтра, — завтра! год целой. Изготовим для них обед, — тут они сядут. Я сяду с ними, о веселие! о надежда!» В воскресенье, не вытерпев, он едет навстречу, но напрасно: друзей что-то задержало в пути, и мужество покидает героя: «Чьим верить словам возможно, когда возлюбленные мои мне данного слова не сдержали?»

Понедельник — надежда потеряна: «Коли они друзьями моими быть не захотели; чего их ждать?» Наконец, вторник приносит долгожданную встречу: «Карета остановилась, — выходят, — о радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!.. Они!.. Они!» (Радищев, 1938а: 139-144).

Друзья, жившие в тот момент в одном доме с Радищевым, это Кутузов и Рубановский. Их он воспринимает как единственное утешение, их называет то «вероломными», то «возлюбленными». Из дневника рождается образ болезненно чувствительного человека, готового проливать слезы без видимого повода. Его нервы обнажены. На службе он должен, что называется, держать лицо, а эмоции выплескивать только наедине с близкими людьми. Их краткий отъезд вызывает к жизни поток ежедневных записей, которые отражают все, что герой не может высказать.

Перед нами ни в коем случае не одиночка, погружение в себя без того, чтобы немедленно поделиться возникшими мыслями его тяготит: «Везде пусто — усладительная тишина! вожденное уединение! у вас я некогда искал убежища... вы мне теперь несносны!» Дневник зафиксировал черты личности: возбудимой, ранимой, метушейся и крайне нетерпеливой в своем желании сообщить окружающим мгновенное впечатление от увиденного и пережитого.

Насколько Радищев в реальности чувствовал то, что описывал? Не являлись ли его наброски данью литературной тенденции? В конце «Субботы» он говорит: «Я поспешно лег в постелю и — о блаженная бесчувственность! едва сон сомкнул мои очи, — друзья мои представились моим взорам и, хотя спящ, я счастлив был во всю ночь: ибо беседовал с вами».

Почти то с теми же словами Радищев обратится к детям в дополнении к «Завещанию» 25 июля 1790 г.: «О, если б я мог вас видеть хоть на одно мгновение, если бы мог слышать только радостные для меня глаголы уст ваших... Сон, о сон, единственное в бедствии успокоение... приди на услаждение страждущего сердца... О мечта возлюбленная! Я с вами беседую; вас держу в объятиях моих... Куда спешите, постойте... О пробуждение... Несчастной!» (Процесс, 1952: 192).

Создается впечатление, что, адресуясь из крепости к начальнику Тайной экспедиции С. И. Шешковскому, Радищев не совсем понимал, где находится и с кем говорит. Границы реальности были для него размыты. Начав беседовать со следователем, он через пару фраз обращался к самому себе или посреди страницы, без видимого перехода, к своим детям. Составлял обычную просьбу на понятном разговорном языке, и вдруг, охваченный «писательским зудом», перескакивал на возвышенный слог и повторял собственные сентиментальные рассуждения.

Все это не свидетельствовало о нервном здоровье. Пребывание в крепости, конечно, усугубило проблемы, но корни будущих бед уже уловимы в «Дневнике...»

Новое назначение Радищева еще меньше соответствовало его темпераменту и склонностям. В мае 1773 г. он по своему желанию покинул Сенат и перешел в дивизию генерал-аншефа Я.А. Брюса, командовавшего русскими войсками, расквартированными на Карельском перешейке. В условиях продолжавшейся войны с Турцией назревал конфликт с северным соседом — Швецией, которая была связана с Оттоманской Портой союзническими обязательствами. Пять лет Стокгольм не решался ввязаться в конфликт, но получив крупную субсидию от Франции на мобилизацию и посчитав Петербург достаточно истощенным, предыдущими кампаниями, готовился вступить в войну. К границе с новым противником спешно перебрасывались войска с юга. Расширялся и контингент штабных офицеров. Среди подобных назначений стоял и перевод Радищева.

Заранее скажем, что войны со Швецией в начале 1770-х гг. удалось избежать. Молодой король Густав II собирался, собирался в поход, да как-то не собрался. Поэтому службу Радищева в дивизии Брюса вряд ли следует именовать «страницами морской славы» (Шторм, 1954: 64). Когда во время Второй русско-турецкой войны, в 1790 г., все-таки разразится столкновение на Балтике, наш герой будет уже гражданским чиновником и издаст «Путешествие из Пе-

тербурга в Москву», где, помимо прочего, призовет к свержению правительства. Однако в 1773 г. до этого события оставалось почти два десятилетия.

Переходу в дивизию Брюса предшествовал полугодовой отпуск (с января по июль 1772 г.), проведенный Радищевым в имении родителей в Верхнем Аблязове. Нет никаких оснований предполагать, что в окрестностях Пензы свирепствовала чума, она миновала в Москве уже к зиме 1771–1772 гг., а по Волге держали карантин от «прилипчивой болезни». «Претяжкая лихорадка», которую Радищев перенес дома и от которой медленно поправлялся, могла быть предлогом для продления отпуска, что в тот момент встречалось довольно часто.

Однако сам по себе срок увольнения показателен. Вероятно, молодой юрист уже во время отпуска задумывался об уходе из Сената, где прослужил в общей сложности два месяца. В этом учреждении он не заручился благоволением начальства. Когда приспел срок, Вяземский отпустил образованного протоколиста легко, без возражений. Что было тому причиной? Возможно, ответ в монологе прокурора Крестьянкина: «Я прослыл копотким (медлительным, копающимся. — *О. Е.*). Иные почитали меня иногда мздоимцем, за то что не спешил отягчить жребий несчастных». Человеколюбие на службе почитали «послаблением и непозволительною поноровкою». Т. е. стремление вывести виновного из-под удара закона объясняли или взяткой, или слабохарактерностью.

«Копотким» Радищев показал себя еще в случае с переводом статьи Гики. Его и в литературе будут отличать два, казалось бы, взаимоисключающих качества: стремление передать мгновенное, горячее еще впечатление и долгая, кропотливая работа над зарисовкой, поданной якобы с пылу, с жару. Эти методы работы являлись отражением личности писателя. Он кипел, негодовал, но продолжал неделями разбираться в деталях порученного сенатского дела, не снижая накала эмоций.

Уход в дивизию Брюса выглядел приобретением — мы помним, что Радищев с товарищами, если верить «Житию», считали себя достойными после Лейпцига «управлять... важным отделением», т. е. претендовали на руководство департаментами, а им пришлось писать протоколы. У Брюса же наш герой занял высокое положение обер-аудитора, отвечавшего за соблюдение законности. Однако переход был и потерей. Для образованного юриста дорога из Сената вела на самый верх. Как случилось с одним из первых литературных знакомых нашего героя — Александром Васильевичем Храповицким, помогавшим Радищеву освоиться с русским литературным языком. Они были одних лет, но Храповицкий уже достиг много и как чиновник, и как публикующийся автор. Он служил секретарем непосредственно при генерал-прокуроре, а вскоре, по рекомендации Вяземского, получил место статс-секретаря императрицы. Храповицкий фактически ввел молодого Радищева в круг столичных литераторов и своих масонских знакомых. Среди последних находился и граф Брюс. Прежде чем уйти из Сената, наш герой договорился обо всем с новым начальником, и

уже тот, на своем уровне, побеседовал с Вяземским. Перемещение совершилось максимально мягко.

Одновременно с Радищевым учреждение покинули Кутузов и Рубановский, тоже поступившие в армию, но уехавшие на Дунай под командование П. А. Румянцева. Такое единодушие заслуживает внимания. Но объяснить его просто патриотическим порывом — де идет война — недостаточно. Война шла и в тот момент, когда юноши вернулись из-за границы, и когда Александр Николаевич полгода жил у родителей в Аблязово.

Чтобы понять причину перевода, снова придется присмотреться к придворной обстановке, отражавшейся и на жизни чиновников. К сентябрю 1772 г. относилось совершеннолетие наследника Павла Петровича. В дипломатических кругах ожидали, что государыня под давлением Панина поделится с сыном властью (Сорокин, 1989: 49). Но этого не случилось. Крупнейшие политические игроки готовились к столкновению, за каждым из них стояли целые учреждения. Оказаться в высшем государственном органе — Сенате — в тот момент, когда будет решаться вопрос о власти, мало кому хотелось. Тем более людям сторонним, ни в чем лично не участвовавшим, но о многом догадывавшимся, благодаря кругу знакомств.

Британский посол сэр Роберт Гуннинг сообщал в Лондон 28 июня 1772 г. о цепи неудачных придворных заговоров в России. Правительство удовлетворялось наказанием рядовых членов, тронуть влиятельных лиц Екатерина II не решилась (Сб. РИО, 1876: 420). 4 августа дипломат продолжал рассказ: «У меня не остается сомнений в существовании нескольких заговоров... Императрица знает, что во главе оных стояли люди высокопоставленные. Впрочем, по некоторым соображениям, она не желает до конца прояснить все обстоятельства сего» (Тургенев, 2005: 261-262).

Словом, время было шаткое, и самое разумное, что мог сделать чиновник, лично не заинтересованный в происходящих событиях — держаться от них подальше. Переход в дивизию Брюса это позволял. С одной стороны, можно часто посещать столицу, вращаться в обществе, бывать в масонских ложах. С другой — не участвовать в драке больших господ.

Сын писателя сообщал: «Служба сия была самая приятная эпоха в жизни Александра Николаевича. Быв любим своим начальником, он, посредством его, сделался вхож в лучшие петербургския общества; вкус его образовался и он получил ловкость и приятность в обхождении» (Радищев, 1872: 576). Советские исследователи стеснялись этих строк и считали долгом их опровергнуть: если писатель внешне не показывал своего «разодранного сердца», значит скрывал истинные чувства, но внутренне в нем происходила сложная духовная работа...

Но почему бы не поверить сыну? Николай многое путал, например, называл Брюса петербургским главнокомандующим, хотя тот занял должность только в 1784 г. А при Радищеве скромно руководил Финляндской дивизией. Однако сын передавал события и впечатления со слов отца: наш герой запо-

нил, что в Сенате ему приходилось несладко, а у Брюса, напротив, служилось спокойно.

Этому радостному чувству не помешало даже исполнение прямых обязанностей. Ведь Радищев осуществлял прокурорский надзор в дивизии, в его подчинении находились аудиторы полков — те кто, в свою очередь, следили за исполнением наказаний. Некоторые оставили очень горькие воспоминания. «Долг службы требовал, чтоб я лично отправлял полковые экзекуции, — вспоминал аудитор И.М. Долгоруков. — В первый раз, когда я видел, как солдата гонят сквозь строй, мне сделалось дурно... После я так пригляделся к этому, что часто ездил вдоль фрунта, когда сквозь ряды его бегал преступник, и еще серживался на солдат, кои хлестали лозами воздух, а не тело» (Долгоруков, 1916: 155).

Кажется, что трепетная душа нашего героя не могла снести подобных картин. Но нет, он входил в курс дела, проводил экзамены для полковых аудиторов, согласно петровскому «Уставу», судил дезертиров, пытался снять вину с солдат, на постое зарезавших хозяина дома. При чем состояние опьянения служило для него смягчающим, а не отягчающим, как сейчас принято, обстоятельством.

Весьма сомнительным выглядит единственный случай, когда наш герой попытался смягчить кару подсудимым — заменить смертный приговор на прогнание сквозь строй «через тысячу человек шпицрутенов восемь раз (Макогоненко, 1956: 186). После такого наказания солдат все равно умирал, при чем, вместо мгновенной гибели, получал мучительную. Этот эпизод показателен как для самого Радищева, так и в целом для людей его мирозерцания: он, что называется, хотел как лучше. И не ожидал очевидного для более опытных аудиторов развития событий.

Уже цитированный нами Долгоруков писал: «Опыт один приучает нас уважать несчастье ближнего, но в двадцать лет какая голова еще? Какое соображение! ...Счастливо для судьбы человеческой, что приговоры гвардейских военных судов отсылались на ревизию к генерал-аудитору, который выбирался всегда их юрисконсультов опытных и не допускал... излишней жестокости» (Долгоруков, 1916: 156). В противном случае, чего бы стоили «сентенции» «людей молодых еще, без сведений о законах, о силе их и существе»? К сожалению, наш герой сам еще был очень молод и только постигал «силу и существо» российских законов. Однако, подчеркнем, ни из каких документов не видно, чтобы в этот период его тяготила военная служба.

Позднее, в «Путешествии...» Радищев будет отзываться об армейщине весьма резко: «Крестьянкин долго находился в военной службе и, наскучив жестокостями оной, а особливо во время войны, где великие насилия именем права прикрываются, перешел в статскую». В знаменитой «Спасской Полести» обретший зрение монарх восклицал: «Воины мои почитались хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни [о] прокормлении; жизнь их ни во что вменялася».

Однако перед нами текст, написанный почти двадцатью годами позже. Его считают отражением личного аудиторского опыта автора. Что выглядит не вполне обоснованно, поскольку слова Радищева вновь идейно апеллировали к постулатам Мабли и были лишены непосредственности впечатлений.

Сравним с ними, например, письмо Алексея Кутузова, уставшего воевать: «Я вижу различие между жизнью, истине и наукам посвященной, и между тою, которую проводят, скитаясь по степям, претерпевая жары, холода, голод, жажду и всякие беспокойства — для чего? Чтобы лишить жизни нескольких людей, никогда и никакого зла мне не сделавших, или самому от них быть убиту». Не правда ли, разница заметна? Загадка в оттенках, в интонациях. Кутузов говорил о реально пережитом. Радищев обобщал. Опыт друга глубоко личный — он больше не мог убивать: «Я великий враг всякого возмущения... Уединение представляю я себе не иначе как нравственную больницу» (Барсков, 1915: 60, 65). Наш же герой, поднимаясь до обличения, терял живые краски. Подменял картину приговором.

Это тоже прием, заимствованный у Мабли. Назовем его публицистичностью. Он особенно ярко проявился в переводах, где мы встречаемся еще с одной особенностью текстов Радищева. Если, говоря от себя, наш герой использовал заимствованные у французских авторов приемы и стиль, приравнивая их к описанию родного зла, то в переводах, напротив, старался выступить на первый план, заслоняя собой иностранного писателя.

Несуразный человек? Просто начинающий, неопытный литератор. Превосходная степень, господствовавшая в старой советской историографии при оценке первых печатных опытов Радищева (Гуковский, 1936: 143), объяснялась не их качеством, а идейной направленностью. В современной нашему герою Просветительской Европе достаточно было объявить монархию «деспотизмом», чтобы сорвать аплодисменты. В 1773 г. Радищев предпринял подобный шаг в России и тоже не был освистан. Благодушное замечание со стороны власти поощряло радикальных авторов. Их не беспокоил тот факт, что свои работы они публиковали на средства казны. Напротив, отказ императрицы финансировать переводы, вызвал бы удивление общества, поскольку именно государство в России поощряло развитие культуры по европейскому образцу и обязано было заботиться обо всем спектре отечественной литературы, включая «крайние» руссоистские направления.

Поселившись в Петербурге бывший лейпцигский студент вскоре нашел для себя интеллектуальную среду, где встречались литераторы, общественные и государственные деятели. Площадку для подобных контактов, для более короткого знакомства с высокопоставленными лицами и для завязывания тесных отношений с нужными людьми предоставляли масонские ложи, в тот момент действовавшие открыто. Мистическое стремление «разгадывать древние символы» и доискиваться знаний, скрытых от непосвященных, привлекало в ложи множество любопытных — т. н. масонские толпы. Среди них истинных адептов

встречалось сравнительно мало. Одним из таковых стал друг нашего героя — Алексей Кутузов. Но простых посетителей можно было считать сотнями.

Радищев, как и его друзья, отмечен в ложе «Урания», включавшей более двухсот членов. Позднее, с 1777 г., когда Н.И. Новиков в Москве стал издавать орденский журнал «Утренний свет», Александр Николаевич сделался его подписчиком. Пока же, в 1773 г., наш герой тесно контактировал с созданным Новиковым «Обществом, старающихся о напечатании книг» — туда входили молодые литераторы и переводчики, большинство из которых одновременно состояло в «Собрании старающихся о переводе иностранных книг на российский язык». Эта организация была создана Екатериной II специально для поощрения переводческой деятельности и оплачивалась из «собственной шкатулки» государыни, т. е. из личных денег императрицы, стоя ежегодно 10 тыс. рублей.

Новиков на первых порах тесно сотрудничал с Собранием, т. к. оно предоставляло выгодные заказы, а риск неуплаты при работе с казной сводился к минимуму. В мае 1773 г. Радищев взялся переводить «Размышления о греческой истории» любимого Мабли и получил от Собрания задаток в размере 60 рублей. К декабрю текст был готов, и автор забрал вторую часть гонорара — 45 рублей. Перевод опубликовало новиковской «Общество старающихся...», и уже 7 января 1774 г. в Санкт-Петербургских ведомостях появилось объявление о продаже книги у букиниста Миллера «в Луговой Миллионной улице» по цене 60 копеек за штуку.

Книга Мабли была посвящена истории расцвета и падения греческих государств и прославляла гражданские добродетели эллинов, сравнивая их с персидским варварством и тиранией. То есть уже содержала в себе все необходимые намеки на монархический «деспотизм» в современном ему мире. Идеал Мабли — Спарта времен Ликурга — гибла по мере обогащения и завоевательных войн, что, мягко говоря, было далеко от реальной истории, зато давало повод поговорить об «уроках», которые просвещенный человек XVIII в. должен извлекать из прошлого.

Этого переводчику показалось мало, и он составил пространный комментарий к слову «самодержавство», которым переводил одновременно оба понятия — «монархия» и «деспотизм». Вот уже несколько поколений исследователей, почти забыв про текст Мабли, заморожены этим примечанием. И не случайно. В нем Радищев дал определение самодержавию, говорил об общественном договоре, о праве граждан восстать, если их «выгоды» нарушены, и судить своего сюзерена. То есть в один пространный абзац уместилось несколько идей, почерпнутых у разных авторов просветительского направления и даже фрагмент из грядущей «Декларации независимости». Последнему не стоит удивляться, поскольку и сама Декларация американских колоний выросла из той же просветительской литературы, которой зачитывался наш герой.

«Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому существу состояние, — писал он. — Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон... не имеет другого права наказывать преступников

опричь права собственности сохранности. Если мы живем под властью законов, то сие... для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и наша природная власть, то дабы она употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом *безмолвный** договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашей *обязанности*. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. *Государь есть первый гражданин народного общества*» (Радищев, 1938b: 282).

В этом определении уже есть все необходимое не только для отделения колоний от Англии, или для Французской революции — признание монарха «неправосудным», а народа — его «судией». В нем пролог для знаменитого призыва из «Путешествия...»: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство?»

Важно определить, какое место рассуждение Радищева о самодержавии занимало среди политических исканий его современников. Однобоким выглядит желание поместить нашего героя в узкий круг радикально мыслящих политических писателей и отметить, что он зашел дальше остальных. Среди оппозиционной журналистики того времени радикальная не займет и пары процентов, а вся сколько-нибудь противоправительственная потонет в общем хоре восхвалений, пусть не всегда искренних. Поэтому сравнивать мнение Радищева следует и с официальным, и с либерально-аристократическим, и с современными ему европейскими течениями.

В основе представлений образованных людей XVIII в. — как русских, так и европейцев — о государственном устройстве лежал труд Шарля-Луи Монтескье «О духе законов». Когда в 1760 г. будущий русский посол в Англии, а тогда молодой офицер С.Р. Воронцов обнаружил эту книгу в библиотеке одного из знакомых, то с восторгом писал отцу — сенатору Роману Илларионовичу: «Тут все натуральные права изъяснены. Эта книга всякого человека сделает просвещенным и обо всем генерально даст понятие» (Веселая, Фирсова, 2002: 27).

Мы уже встречались с распространенным в России того времени убеждением, что одна — главная — книга может сделать из невежды философа. Такой взгляд был отголоском средневекового представления о божественной роли Книги — знакомство с Библией превращает дикаря-язычника в человека. Попав в мир множества книг носители подобного сознания — практически все русское общество — хватались за первую же яркую новинку и помещали ее в своем воображении на место Нового Завета. Нечто подобное позднее произойдет и с книгой самого Радищева.

---

* Курсив А. Н. Радищева.

Пока же Монтескье воспринимался многими в России как краеугольный камень политической мысли — своего рода методологию, которую можно развивать, усложнять, доказывать, но ни в коем случае не опровергать. Если отказаться от его определений, рухнет все здание. Труд французского правоведа особенно нравился русским читателям, поскольку допускал разнообразие законов и форм правления, обусловленных климатом, уровнем развития страны, ее обычаями и историей. Согласно Монтескье, не стоит порицать освященный временем порядок в том или ином государстве. Главная задача — в просвещении народа. Законы связаны с национальным характером, поэтому крайне редко «установления» одной страны могут подойти для другой. Напротив, законодательство должно быть обусловлено географическим положением, основным занятием населения, численностью, богатством, развитием торговли. Совокупность этих отношений рождает «дух законов», в каждом государстве он свой.

Монтескье выделил пять форм государственного устройства: республику, аристократию, олигархию, монархию и деспотию. Последняя, по его мнению, характерна для обширных восточных стран вроде Турции или Китая, где не соблюдается «общественный договор» между властителем и нацией и отсутствуют представительские органы. Однако и в Европе, где абсолютизм все больше сосредотачивал военную и административную власть в руках монарха, возможно сползание к деспотии (Монтескье, 1955: 265).

В «Наказе», который Екатерина II дала Уложенной комиссии (органу, по ее задумке, представительскому) российское самодержавие определялось как монархия. При этом императрица в скрытой, невидной для глаз неискушенного читателя, форме полемизировала с Монтескье. Философ считал, что обширная империя не может не быть деспотией. Екатерина же подчеркивала, с одной стороны, европейскую принадлежность России, то есть, помимо прочего, ее тяготение к европейским политическим формам. А с другой — необходимость сосредоточить власти в одних руках, ибо «всякое другое правление будет в России не только вредно, но и в конец разорительно» (Екатерина, 1767: 3).

Однако представители либеральной аристократии вовсе не соглашались с императрицей. По их мнению, Россия в полной мере не вписывалась ни в один из перечисленных Монтескье типов правлений. Что вызывало оторопь русских интеллектуалов. «Государство не деспотическое, ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление, — рассуждали Никита Иванович Панин в проекте конституции, — ...не монархическое, ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия, ибо верховное в нем правление есть бездушная машина... на демократию же и походить не может» (Панин, 2000: 287). Тогда что? В рамках этой схемы Россия как бы двигалась от деспотии к монархии, для которой не доставало только фундаментальных законов.

Племянница Панина — Е.Р. Дашкова, яркий политический мыслитель своего времени — предложила иную схему. Рассуждая о Петре I, она Дашкова пыталась напомнить, что такие законы были — «Уложение» Алексея Михайловича — значит, страна уже являлась монархией, но из-за реформ Петра I поте-

ряла этот статус — качнулась к деспотии. «Он был вспыльчив, груб, деспотичен и со всеми обращался как с рабами... Если бы он не менял так часто законов... он не ослабил бы уважение к законам... Он ввел военное управление, самое деспотическое из всех» (Дашкова, 1985: 127). Дашкова ополчалась на Петра I за то, что он «уничтожил свободу и привилегии дворян». Речь, в первую очередь, о существовании Боярской Думы, в которой члены высокопоставленных родов подавали государю советы и совместно с ним правили державой. Прежде самодержавие было ограничено боярским представительством. Преобразования же начала XVIII в. — своего рода вывих, который требуется исправить.

Сходного мнения придерживались М.М. Щербатов, Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков. Оно восходило к рассуждениям Жан-Жака Руссо в «Общественном договоре» 1762 г., где философ обрушивался с яростной критикой на петровские преобразования. По его мнению, русские нуждались не в цивилизации, а в закалке. Теперь развращенные западной культурой они ослабеют, подпадут под власть татар или другой азиатской орды, которая следом захватит и Европу. Петр I поступил, как дурной воспитатель, ускорив процесс обучения: его ученик блистает в детстве, а в зрелые годы становится ничтожеством (Строев, 1998: 216).

Сбившись с пути, русским необходимо вернуться на «правильную» стезю. Когда-то предполагалось, что эту миссию исполнит Екатерина II. Но та, напротив, провозгласила себя продолжательницей дел великого преобразователя, следовательно толкала страну по пути деспотии.

О том, что подобное движение возможно для европейской монархической страны, предупреждал на примере Франции Дидро, когда Людовик XV распустил Парижский парламент: «Умы волнуются, и волнение распространяется; принципы свободы и независимости, прежде доступные только немногим мыслящим головам, теперь переходят в массу и открыто исповедуются. У каждого века есть свой отличительный дух. Дух нашего времени — дух свободы... Это наше настоящее положение, и кто знает, к чему оно поведет? ...Мы дошли до кризиса, который окончится или рабством, или свободой... Привилегии различных сословий, сдерживающие монархию от перерождения в деспотизм, пали... Гораздо легче образованному народу отступить опять в варварство, чем варварам сделать шаг к цивилизации» (Дидро, 1859: 363-364).

Где же среди всего этого многоголосия Радищев? Прежде всего, он не с императрицей. В «Наказе» осуждалось «умствование равенства, до самой крайности дошедшего», «когда всяк хочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником». Этому «умственному равенству» императрица противопоставила «равенство, предписанное законами» — т. е. равное повиновение законам, которые издает монарх. В определении «самодержавства» Радищев заметно полемизировал с этим постулатом из «Наказа», говоря о праве народа расторгнуть договор и судить царя.

Еще любопытнее, что наш герой не соглашался и с Монтескье. Везде, где у Мабли стояло слово «монарх», он заменил его на «самодержавец», а потом дал определение самодержавной власти, как «наипротивнейшего человеческого существу состоянию». Если Монтескье в «Духе законов» допускал деспотию, объясняя ее обширностью восточных государств, а Мабли осуждал, применительно к Македонии времен Филиппа II, но проводил четкую границу между монархом и деспотом, то Радищев слил понятия воедино и отверг оба. Для него не самодержавие равно монархии, а монархия равна деспотизму (Старцев, 1990: 192-194). То, чего в европейской просветительской публицистике только опасались, о чем говорили в форме сатиры или предупреждения, для Радищева стало аксиомой. Он занял крайний фланг.

Попутно отметим несостоятельность мнения, будто Радищев издал «Путешествие...», искренне поверив «Наказу»: «Слова не вменяются никогда в преступление» (Сухомлинов, 1888: 23). Из определения «самодержавства» видно, что уже в 1773 г. молодой автор отвергал «Наказ». Кроме того, будучи юристом, наш герой не мог не ознакомиться с формулировкой целиком: «Законы не обязаны наказывать никаких других, кроме внешних, или наружных действий» Такая формула допускала разные толкования, и в условиях Французской революции была повернута против Радищева, т. к. выпуск книги оказался приравнен к «наружному действию».

Шаг Александра Николаевича больше напоминал поведение будущих советских диссидентов с их призывом: «Выполняйте собственную конституцию». В «Наказе» императрица, и правда, рассуждала о «язвительных сочинениях», которые не следует запрещать, поскольку «умы почувствуют притеснение», которое «охоту писать отымет». Но, если в начале 1760-х гг. исчезновение охоты писать воспринималось как общественное бедствие, то к началу 1790-х могло быть названо таковым только в шутку.

Говоря о переводе Мабли, который Радищев сделал для «Собрания старающихся...», следует отметить широкое знакомство нашего героя с основными тенденциями европейской просветительской литературы и о желании занять в полемике свое, заметное для читателя, место — оно обеспечивалось максимальным радикализмом. Высказаться по вопросу о монархии левее, чем Радищев, в ту эпоху не представлялось возможным: расторгнуть общественный договор и судить царя, как нарушителя онога. Что радикальнее? Только казнь.

Обусловливались ли идеи молодого переводчика отечественной реальностью? И не она ли подталкивала к самым крайним требованиям? Вот уже двести лет на эти вопросы существует только утвердительный ответ. Крайние формы самодержавия подавляли свободную мысль, порождая ответное ожесточение. Крепостное право добавляло в палитру Радищева еще больше темных красок.

Однако мы видели, что самодержавие позволяло открыто публиковать мысли, шедшие в разрез с официальными. Может быть, и с крепостным правом

дело обстояло не так просто? В 1772 г., когда Радищев едва применялся к службе на родине, в журнале Н.И. Новикова «Живописец» вышел «Отрывок путешествия в* * * И* * * Т* * *». Этот текст долгие годы вызывает ожесточенную полемику среди исследователей, приписывавших его то Радищеву (Берков, 1951: 561), то самому издателю журнала. Для творчества Новикова «Отрывок...» стоит несколько особняком от остального корпуса произведений. А для Радищева — вроде бы, в самый раз, но смущает чрезмерно раннее время публикации. Тем не менее, факт остается фактом: «Отрывок...» стилистически совпадает с одной из глав будущего «Путешествия» (Семенников, 1923: 357). Кроме того, автором «Отрывка...» отца назвал Павел Радищев.

Закономерно предположить обратную связь — прочитанный текст повлиял на нашего героя, и тот построил свою главу «Вешки» по образцу понравившейся журнальной публикации. В те времена подобное заимствование даже не считалось плагиатом. В «Отрывке...» путешественник проезжает через деревню, оставленную жителями — они на полях: «Царь небесный дал нам ведро, и мы торопимся убрать жниво, покуда дожди не захватили». Между тем, в домах грязь, брошенных детей облепляют мухи. Не зная, чем дышать в крестьянской избе, герой засыпает в коляске. Отрывок несколько раз перепечатывался Новиковым (в 1772, 1775, 1781, 1792 гг.) при каждой редакции теряя обличительный пафос и приобретая все больше и больше нравоучительности (Макогоненко, 1956: 165).

А вот в «Путешествии...» автор, напротив заострил полемичность, показав крестьянку, которая «сажала» в печь хлеба из трех частей мякины. «С одной стороны почти всесилие, — восклицает он, — с другой — немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьян есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет... Се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме».

Преследуя цель научить читателя правильно мыслить и чувствовать, Радищев рассматривал описываемые картины — природу, быт, людей — как возбудителей эмоций. При этом он больше проповедовал, чем показывал (Гуковский, 1936: 172). На хрестоматийно известное нам описание крестьянского жилища приходится две с половиной страницы обличений.

Вот оно: «Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы... Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастливая изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!)... Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на укус похожим, и на дворе баня, в коей если не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою,

онучки с лаптями для выхода. — Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества».

Далее автор фиксирует свое негодование по поводу увиденного: «Закон запрещает отъяти у него (крестьянина. — *О. Е.*) жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти у него ее постепенно! ...Жестокосердный помещик! Посмотри на детей крестьянских, тебе подвластных. Они почти наги. Отчего? Не ты ли... обложил [их] сверх полевых работ оброком? Не ты ли несотканное еще полотно определяешь себе в пользу? ...Едва послужит оно на отирание служащего тебе скота».

Главная особенность текстов Радищева — стремление говорить о своих впечатлениях. Картина жизни общества всегда существовала у нашего героя не самостоятельно, а воспроизводилась, благодаря его реакции на увиденное — здесь он истинный сентименталист. Этот прием роднил «Вешки» с «Отрывком путешествия...» из «Живописца». Закономерен вопрос, откуда в 1772 г. едва приехавший из Лейпцига молодой юрист мог знать подробности жизни русской деревни?

Предположение — посетил родителей в Аблязово — наталкивалось резкую отповедь: в отпуске наш герой побывал зимой, а описал жаркую пору. Между тем, зимой крестьяне должны были страдать еще больше из-за отсутствия дров, а если учесть чуму, якобы увиденную автором... Так почему, вместо чумных деревень, «смрадные»? Такой подход к тексту кажется нам чересчур буквальным. Прежде всего, в отпуске Радищев провел полгода и застал лето. А кроме того, глазами Радищева читатель видит не столько картины реальной жизни, сколько ощущения писателя. Они могли быть и иными. Все зависело от смотревшего.

Так, испанский дворянин дон Франсиско Миранда — человек по темпераменту совершенно иной, чем Радищев — путешествовал в тех же местах всего за два года до выхода книги нашего героя и оставил другие зарисовки. Возле Вышнего Волочка он обратил внимание на множество новых срубов, выставленных на продажу. «Когда древесина свежая, она имеет красивый желтоватый цвет, — замечает путешественник. — Справился у моего слуги и извозчика, сколько стоит такой дом, который можно купить в разобранном виде при въезде в любую деревню, и они сказали, что обычная цена всего лишь от 20 до 24 рублей». Миранду удивило изобилие дров: «Когда видишь, сколько леса заготавливает для своих нужд каждый крестьянин... начинает казаться, что в этой стране он вовсе не имеет никакой цены... До Петербурга дорога проходит через сплошные леса».

В печально знаменитой по Радищеву Спасской Полести путник «зашел в несколько крестьянских домов... внутри они очень опрятны и удобны для жилья». Такую же прогулку Миранда совершил и у маленького городка Крестцы, тоже описанного Радищевым. «Посетил несколько крестьянских домов... почти всюду имеется ткацкий станок, на котором ткут белое полотно из местного льна; из него шьют неплохую одежду для людей низшего сословия. Заплатил 30

копеек за чай, хлеб и т.д.; наблюдал за девушкой, доившей корову: она прятала от меня лицо, но в то же время выставляла напоказ свои ляжки» (Миранда, 2001: 214-217).

Простодушное кокетство деревенской девки, готовой порезвиться с иностранцем — совсем не то же самое, что вид голодной бабы, месившей тесто «из трех частей мякины и одной несеяной муки». Возможно, стандарты чистоты и благополучия у авторов были разными. Но возможно и другое: каждый в зависимости от характера, обращал внимание на разные вещи. Миранда — весельчак, говорун, дамский угодник, страдавший из-за того, что на Валдае дождь разогнал всех «служительниц Венеры». А Радищев, обжегшись в юности, смотрел на дело строго и посылал громы и молнии на головы развратных валдайских «жриц сладострастия».

Вот третий взгляд, касавшийся крестьянской «наготы». Он принадлежал британской гостье княгини Дашковой — Марте Вильмот — даме задумчивой и тонко чувствовавшей искусство: «Любуюсь всеми без исключения крестьянами: их причудливо-разнообразной одеждой, их веселыми живописными группами. Часто можно увидеть деревенскую девушку в головном уборе, шитом золотом, в серьгах, с браслетами из блесок, видимо, играющую роль первой красавицы... Когда молодая крестьянка преподносит вам кувшинчик молока, яйца или орехи, то маленькая корзиночка, где они лежат, всегда покрыта полотенцем, оба конца которого украшены шитьем из красных и белых ниток, имитирующих кружево. Работа эта столь тонка, что не всякая дама, обученная рукоделию, сможет исполнить ее... Женские украшения составляют браслеты из цветного бисера и бусы... у деревенских девушек расшитый золотом головной убор образует подобие короны, с которой спускается сетка, иногда по спине свисает множество ярких лент» (Письма, 1987: 222, 224, 229-230).

Мисс Вильмот подчеркивала также чистоплотность русского простонародья: «На небольшом лугу против моего окна около 150 мужчин и женщин косят траву. Все мужчины в белых льняных рубахах и штанах (это не выдумка, штаны действительно белые), а рубахи подпоясаны цветным поясом и вышиты по подолу ярко-красной нитью. Вид у них очень живописный; лгут те иностранцы, кои изображают русских крестьян погруженными в праздность, живущими в нищете. Дай Бог нашим Пэджи (как я люблю этих милых бездельников...) наполовину так хорошо одеваться и питаться круглый год, как русские крестьяне» (Письма, 1987: 277).

Возможно, наблюдатели-иностранцы не замечали крепостного права? Нет, каждый из них говорил о нем с осуждением. Прослуживший много лет в России французский посол Луи Сегюр писал: «Русское простонародье, погруженное в рабство, незнакомо с нравственным благосостоянием, но оно пользуется некоторой степенью внешнего довольства, имея всегда обеспеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяет своим необходимым потребностям и не испытывает страданий нищеты, этой страшной язвы просвещенных наро-

дов... Нигде не встретишь ни одного нищего, а если они попадаются, их отсылают к владельцам, которые обязаны их содержать... Тем не менее, эти люди достойны сожаления, потому что их участь зависит от изменчивой судьбы, которая по своему произволу подчиняет их хорошему или дурному владельцу» (Сегюр, 1996: 148-158).

Все приведенные суждения субъективны, поскольку каждый европейский путешественник, говоря о бедах, увиденных в России, вспоминал картины родины и невольно сравнивал благосостояние «низших классов». Такие сравнения не всегда делали честь «просвещенным народам». Мисс Вильмот, например, писала: «Если... посчитать основными вопросами те, что относятся к условиям жизни (достаточно ли еды, есть ли жилище, топливо и постель), то русские вне всякого сомнения, окажутся впереди. Да, они рабы, однако... те помещики, которые пренебрегают благосостоянием своих подданных и притесняют их, либо становятся жертвами мести, либо разоряются» (Письма, 1987: 277).

Современные исследователи, опираясь на суждения очевидцев, изучают не столько реальность прошлого, сколько впечатления авторов. Точно также и Радищев, рисуя картину русской деревни, создавал ее из нарочно выбранных штрихов — грязь, нищета, нагота, голод — которые могли бы дать пищу его негодованию и вызвать ответные эмоции у читателей. В противном случае мы увидели бы всю палитру. Но для сентименталиста важно чувство — в данном случае омерзение ко всему «смрадному» — характерное для нашего героя. Человек некогда заразившийся и больной, он воспринимал окружающий мир как грязный, «смрадный», способный запачкать его самого. Крепостное право становилось язвой не в переносном, а в прямом смысле.

Тот факт, что настоящие, живые крестьяне имели к ощущениям автора очень отдаленное отношение, подтверждается его более чем скромной для «первого русского революционера» реакцией на Пугачевщину. Историки старой школы были убеждены: именно после казни Е. И. Пугачева в Москве в 1775 г. Радищев покинул службу. Но что послужило основанием подобного взгляда? Свидетельств нет. Александр Николаевич, судя по текстам, был очень зафиксированным на своей личности человеком. Порой не замечал ни течения времени, ни происходивших вокруг событий. Мир, построенный им в собственном сознании, оказывал на автора превалирующее воздействие по сравнению с миром внешним. Иначе, как объяснить, что наш герой, жадно следивший за Французской революцией и идейно развивавшийся под ее влиянием, не заметил изменений русской жизни, вызванных ею же? Точно находился в Париже, а не в Петербурге?

Видимо, подобное мировосприятие начало развиваться у него задолго до «Путешествия...» Он служил в дивизии, посещал ложу, английский клуб, вращался в свете и одновременно был отделен от всего происходившего стеной писательской глухоты. Позволим себе крамольное замечание: едва ли Радищев даже понимал, что в стране идет «крестьянская война». События происходило

далеко, в Поволжье, куда важнее казалось поведение шведов по границе. А ведь описанию Пугачевщины в книгах о «первом русском революционере» отводятся целые главы.

Как же так? Сентиментализм оставался для советских исследователей чужим и чуждым явлением. Они не хотели допустить, что революционность — тоже эмоция, иногда поза, подчас «жеманная». Желали видеть в нашем герое идейного, а не чувствительного, тем более не чувственного борца. Между тем, Радищев рафинирован и чувственен. Угнетенные мужики для него такой же повод осветить «излучины души», как и отъезд друзей.

В «Путешествии...» находится всего одна отсылка к событиям «крестьянской войны». Возможно, на текст повлиял запрет упоминать события Пугачевщины? Но мы видим, что указ нарушен: автор говорит о самозванце. «В бывшее пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ», крестьяне одного помещика, «связав своего господина, везли его на неизбежную казнь». Он был «добрый и человеколюбивый» барин, но падкий до дворовых девок. «Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначил... он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности». Наш герой любил римскую историю, и, вероятно, считал поучительной гибель Лукреции, знатной патрицианки, обещенной сыновьями царя Тарквиния Гордого. Воскликнув: «Что же останется в женщине хорошего, когда ее добродетель потеряна», — она вонзила себе в сердце нож.

Мысли ли подобным образом крестьянки — неясно, но вот их барин был настоящим Тарквинием. Его спасла посланная против пугачевцев команда. «Глупые крестьяне! — восклицал автор, — вы искали правосудия в самозванце! Но почто не поведали вы сего законным судиям вашим? Они бы предали его гражданской смерти». Закон действительно требовал наказывать помещика в подобных случаях, но очень сомнительно, чтобы на дорогах крестьянской войны «наехавшая команда» стала разбираться с мятежными мужиками.

Косвенным образом Радищев пугал помещиков повторением страшных событий: «Крестьянин в законе мертв... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет». Что сие значит? Что мужики могут стать «не мертвы в законе», если осуществят право на восстание.

Не принято обращать внимание, что рассказ о барине-насильнике плотно обернут картинами других эротических переживаний автора. Сначала он видит крестьянок на лугу: «Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною... направила стопы мои к толпе сельских сих красавиц... Все они были в праздничной одежде, шеи голые, ноги босые, локти наруже, платье заткнутое спереди за пояс, рубахи белые, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное. Приятности, заглубевшие хотя от зноя и холода, но прелестны без покрова хитрости».

Автор не скрывал, что его прельщают именно крестьянские девушки: «Я... более люблю сельских женщин ...для того, что они не знают еще притворства». В чем оно состоит? «Красота юности в полном блеске, в устах улыбок».

ка или смех сердечный; а от него виден становился ряд зубов белее чистейшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголих с ума свели. Приезжайте сюда, любезные наши барыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитесь у них, как их содержать в чистоте. Зубного врача у них нет. Не сдирают они каждый день лоску с зубов своих ни щетками, ни порошками. Станьте, с которою из них хотите, рот со ртом; дыхание ни одной из них не заразит вашего легкого. А ваше, ваше, может быть, положит в них начало болезни, боюсь сказать какой; хотя не покраснеетесь, но рассердитесь. Разве я говорю неправду?»

«Чистота» в прямом и переносном смысле сделалась своего рода фетишем нашего героя. Страх подхватить от одной из городских красавиц дурную болезнь — страх запоздалый — превращал для него всех жительниц Москвы и Петербурга в ходячую заразу: «Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, чего Боже спаси, ежедневных любовников. Познакомься сегодня и совершив свое желание, завтра его не знает; да и того иногда не знает, что она уже одним его поцелуем заразилась».

Радищев даже утрировал при описании болезненности и чахлости городских дам. Ему все казалось, что они испорчены еще до рождения: «А ты, голубушка моя, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна, может быть, но на лбу твоём я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка из докторских рук не выхаживал; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе женишка... чтобы не сделать с тобой визита воспитательному дому», т. е. чтобы не отправлять незаконно-рожденных внуков в сиротский приют.

Затем следует рассказ о том, как благородные «барыньки» уродуют свое тело корсетами и становятся негодными для материнства: «Посмотрите, как все члены у моих красавиц круглы, рослы, неискривлены, неиспорчены... А ты, сестрица моя голубушка, с трехчетвертным твоим станом в охвате, ты изволишь издеваться, что у сельской моей русалки брюшко на воле выросло... А как дойдет до родов, запоешь другим голосом. Дорогой мой зятюшка ходит повеся нос. Уже все твои шнуrowания бросил в огонь. Кости из всех твоих платьев повытаскивал, но уже поздно. Сросшихся твоих накриво составов тем не спрямит... Мать наша, следуя... плачевной моде... уготовала... дочери своей болезнь, детям твоим слабое телосложение».

Все это крепкий коктейль из страхов и желаний. Когда возникает образ дочери ямщика Анюты, в которую проезжий барин готов влюбиться, читатель уже понял, что Пугачевщина и «глупые крестьяне» — не главное. Интересно само движение мысли от насилия к сдержанности. «Варвару»-помещику противопоставлен цивилизованный путешественник, который имеет возможность увезти с собой понравившуюся девку, но не пользуется ею из внутреннего благородства. При этом Анюта не только здорова, но и сравнительно богата: «Батюшка нам оставил пять лошадей и три коровы. Есть и мелкого скота, и птиц

довольно», — мать девушки месит квашню в кадке. Куда же девалась «сморданая» хижина? Туда же, куда и «сморданная болезнь» — где ее нет, там нет и бедности — такова особенность восприятия.

Текст пронизан эротическими мечтами, которым автор запрещает осуществляться: «Анютушка, я, право, не таков, как... те, о которых ты говоришь. Те, думаю, так не начинают разговора с деревенскими девками, а всегда поцелуем; но я, хотя бы тебя поцеловал, то, конечно бы, как сестру мою родную».

Для нашего героя важна тема отказа от насилия, которое и в отношении беззащитной девушки, и в отношении помещичьих крестьян не подлежит наказанию закона, но осуждается морально. Только в этом контексте упоминание Пугачевщины приобретает смысл — она не более чем декорация для переживания чувствительной натуры. Радищев воспринимает окружающую реальность не только как грязную, но и как наполненную насилием. И заявляет о своем омерзении по отношению к нему. Однако то, что мы усиленно отрицаем — скрыто в нас самих, как в путешественнике была сокрыта болезнь, которой он попрекал городских «барыnek». К моменту написания книги она уже стояла жизни его супруге и здоровья детям.

Прежде принято было упирать на разрыв Радищева с масонством, обозначенный в «Путешествии...» Однако осведомленные авторы догадывались, что Александр Николаевич имел в братстве куда более широкие связи, чем одноклассник Кутузов и издатель Новиков. А влияние, оказанное на него орденскими текстами, свободно прочитывается в книге, не смотря на сознательные отрицания. Печать, которую эзотерическая литература оставляет в душе впечатлительного писателя, несмываема.

Признавая масонское делание «бредомыслием», Радищев, тем не менее, двигался по канве, намеченной европейскими романами об алхимическом браке. В них результатом соития героя с принцессой, феей или даже собственной матерью (последнее буквально соответствовало требованию Парацельса) становится метаморфоза — превращение из «прокаженного» металла в благородный. На сниженном уровне «прокаженности» соответствовала дурная болезнь, которая исцелялась при помощи девственной чистоты алхимической «невесты» (Строев, 1998: 181-186). Ее требовалось спасти, выкупить или распознать в образе старой нищенки. Последний прием использован Радищевым в истории о сне монарха, к которому Итина приходит в лохмотьях. Мотив же выкупа звучит при попытке путешественника дать за Анютой приданое.

Буквально накануне обретения странствующим рыцарем истинной чистоты в образе деревенской девушки его пытаются сбить с пути распутные жительницы Валдая — жрицы любви. Эти «банщицы» или «торговки бубликами», способные обобрать проезжего и даже убить его, соответствуют персонажам цикла романов о короле Артуре — развратным монахиням или обитательницам замка, куда герой попадает в поисках Грааля. Если он пройдет испытание и останется чист, то увидит волшебную чашу. Если нет, его взор навсегда пому-

тится. Радищев отвергает «мздоимных любовниц» и получает право узреть настоящую Чистоту — его Грааль — Анюту.

Что же соответствовало этим возвышенным событиям на повседневном уровне? Не трудно догадаться. Алхимическому браку — брак простой. В тот момент, когда Радищев начал службу в дивизии Брюса, в глубине России, на Яике только-только разворачивалось восстание казаков, переросшее в крестьянскую войну. Что было ее причиной? Продолжался конфликт с Турцией, росли налоги и рекрутские наборы, рабочих рук на полях становилось все меньше. Теряя воинские контингенты на местах, ослабевала администрация. Распоясывались чиновники, не чувствуя пристального внимания из столиц. Если накануне открытия Уложенной комиссии во время путешествия императрицы по Волге, только в ее «собственные руки» было подано более двухсот жалоб и все на злоупотребления властей, то на пятом году войны эту цифру можно было увеличить в несколько раз. Волновались и помещичьи крестьяне, желавшие избавиться от бар и получить землю.

Могли ли эти события не затрагивать Радищева? Только если он мысленно отгородился от происходящего. Но, повторим, никаких отзывов Александра Николаевича не обнаружено. А вот семья в Аблязово натерпелась страху. У родителей «первого русского революционера» мужички, сидевшие на барщине, заволновались также, как и у соседей. Так что отец нашего героя даже вынужден был приглашать воинскую команду (Макогоненко, 1956: 199). Правда дело обошлось миром — кровь не лили, просто показались, де, случись что, холопам придется отвечать. Крестьяне и унялись.

Неспокойно было и в северной столице. В тот самый момент, когда вышел перевод книги Мабли со скандальным примечанием Радищева, во дворце гостил кумир адептов Просвещения — энциклопедист Дени Дидро. Он, как мог, знакомился с русской жизнью. Просматривал журналы, разговаривал с вельможами, раз в три дня встречался с императрицей, заранее подготовив ей список вопросов, и был до чрезвычайности неудобен в столь горячее время. Однако Екатерина II проводила с философом много времени, видимо, получая немалое удовольствие от его бесед и как бы отвлекаясь на время от тревожных новостей.

Рассчитывал ли наш герой на внимание со стороны создателя Энциклопедии? Информации об этом нет. Но, если бы из-за примечания, разразился скандал, имя русского писателя мелькнуло бы в разговорах. А, как мы могли заметить, Александр Николаевич обладал авторским и не только авторским тщеславием. Однако примечание прошло без помпы.

Был и еще один важный рубеж — к началу 1774 г. стало ясно, что императрица не станет делиться властью с сыном Павлом. Значительная часть русских масонов поддерживала наследника. Однако ложа «Урания», где отмечен Радищев, принадлежала к елагинскому кругу — т. е. к тем ложам, которые находились под влиянием английской системы и признавали руководство

статс-секретаря императрицы И. П. Елагина, старого друга и союзника Екатерины II.

Вряд ли Радищев являлся организованным адептом, которым легко управлять. Скорее он представлял «вещь в себе». Вступление Павла на престол должно было, по мысли его воспитателя Н.И. Панина, сопровождаться подписанием «фундаментальных законов», или конституции. Даже слух об этом, распространившись в масонской среде, делал нашего героя «сочувственником» подобного предприятия. На рубеже 1773–1774 гг. придворная борьба достигла апогея, а в печати появилось радищевское разъяснение на слово «самодержавство». Такие события следует, по крайней мере, синхронизировать.

В течение всего 1774 г. борьба продолжалась и надежд на вступление Павла, а значит и на появление гласно признаваемых «фундаментальных» законов, становилось все меньше. Возле Екатерины II появился новый энергичный фаворит (позднее марганатический супруг) Григорий Александрович Потемкин — генерал-майор, приехавший с турецкого театра военных действий, специально для того, чтобы помочь императрице удержать власть. Ему это удалось, во многом благодаря компромиссу между разными придворными партиями. Нового случайного вельможу поддерживала группировка фельдмаршала П. А. Румянцева, чьей сестрой являлась Прасковья Брюс — ближайшая подруга императрицы и жена покровителя Радищева. Не смотря на ее крайнее легкомыслие и частые измены, брак оставался прочен и выгоден обеим сторонам. Благодаря супруге, генерал-аншеф Брюс тоже оказался в большой игре как один из сторонников Румянцева, а значит — и нового фаворита.

Эту расстановку сил следует учитывать при решении вопроса, почему Радищев покинул службу. Когда мир с Турцией был заключен, а внутреннее возмущение подавлено, множество офицеров подавало прошения об отставке. Последовал их примеру и наш герой. 31 марта 1775 г. в Москве, куда Александр Николаевич вместе со штабом Брюса приехал на мирные торжества, он получил указ об отставке. Свою просьбу Радищев мотивировал слабым здоровьем и «домашними обстоятельствами».

Принято обращать внимание на момент ухода: обер-аудиторы направлялись в Москву для участия в суде над Пугачевым. Но штаб Брюса оказался в Первопрестольной только в конце декабря 1774 г., Радищев еще позже. 10 января 1775 г. состоялась казнь предводителя мятежников. Прощение же об отставке датировано только 13 марта. Следовательно перед нами события, наложившиеся друг на друга, но вряд ли друг друга обусловившие. Никто из штаба Брюса в суде над Пугачевым и его сподвижниками не участвовал (Овчинников, 1995: 113, 123). Тот факт, что Радищев якобы видел казнь Емельяна Ивановича — допущение, не основанное на источниках.

Традиция окружать уход нашего героя со службы намеками на Пугачевщину восходит к тексту «Путешествия...», где судья Крестьянкин рассказывает о возмущении крестьян: «Я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже в оной свидетелем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь опла-

кивать плачевную судьбу крестьянского состояния». Можно принять эти строки за намек, но, зная время увольнения, он повиснет в пустоте. Разве только писатель сам намеренно романтизировал свои поступки.

Гораздо естественнее будет предположить, что обер-аудитор собирался жениться и мечтал хоть какое-то время пожить на свободе, без службы. Ведь он более чем сдержанно относился к обязанности дворянства тянуть лямку. «Несносный предрассудок велит им идти в службу. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение! — сказано в главе «Крестцы». — Тысячу против одного держать можно, что изо ста дворянчиков, вступающих в службу, 98 становятся повесами... Смотри иногда на большого моего сына и размышляя, что он скоро выйдет в службу или, другими сказать словами, что птичка вылетит из клетки, у меня волосы дыбом становятся». Перед нами страх отца, вспоминавшего собственное прошлое и готового приписать сыну те же склонности.

«Кто таких молокососов толкает в шею? — Кто? Пример общий. Штаб-офицер семнадцати лет; полковник двадцатилетний; генерал двадцатилетний; камергер, сенатор, наместник, начальник войск... Смотри на сына моего, представляется мне, что он начал служить, познакомился с вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть в карты, картами доставать прокормление, говорить обо всем, ничего не мысля, таскаться по девкам или врать чепуху барыням.

Скажи, по истине, отец чадолюбивый, скажи, о истинный гражданин! Не захочется ли тебе сына твоего лучше удавить, нежели отпустить в службу? Не больно ли сердцу твоему, что сынок твой, знатный боярин, презирает заслуги и достоинства, для того, что их участь пресмыкаться в стезе чинов, пронырства гнушаяся? Не возрыдаешь ли ты, что сынок твой любезный с приятною улыбкою отнимать будет имение, честь, отравлять и резать людей, не своими всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев».

Возможно, такие убеждения наш герой вынес из своего опыта? Если сам он не «отравлял» и не «резал» людей, то, вероятно, так поступали окружающие? Обычная для Радищева памфлетная горячность принимается сейчас за чистую монету. Однако сравнение приведенных строк с предисловием к «фундаментальным законам» Н.И. Панина показывает превалирующее влияние на текст нашего героя другого литературного произведения. При этом в проекте Панина-Фонвизина речь шла о «фаворитах» и «ласкателях». У Радищева

сказано обтекаемо: «Каким-то образом фортуна, вертясь на курей ножке, приголубила его; и сынок мой, не брея еще бороды, стал знатным боярином... Чего доброго ожидать от такого полководца или градоначальника?».

В других местах разночтений почти нет. Вот текст Панина-Фонвизина: «Ни век, изнуренный в служении отечеству, ни сан, приобретенный истинною службою, не ограждают почтенного человека от нахальства и дерзости едва из ребят вышедших и одним случаем поднимаемых негодниц (молодых любовни-

ков императрицы — О. Е.) ...Рвение к трудам и службе почти оглашено дурачеством, смеха достойным» (Панин, 2000: 278-286).

Дело выглядит так, словно, читая, Александр Николаевич «воспалился» и начал писать свое — род ответвления от чужого текста, комментариев к нему — а потом уж увлекся и создал образ «крестовского» дворянина, сумевшего воспитать достойных детей.

Список литературы:

- Барсков, Я.Л. (1915) Переписка московских масонов XVIII в. Пг.
- Берков, П.Н. (1949) Гражданин будущих времен // Известия Академии наук СССР. Т. VIII. М.
- Берков, П.Н. (1951) Сатирические журналы Н. И. Новикова. М. ; Л.
- Веселая, Г.А., Фирсова, Е.Н. (2002) Москва в судьбе княгини Дашковой. М.
- Гуковский, Г.А. (1936) Радищев как писатель // А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.
- Дашкова, Е.Р. (1985) Записки 1743–1810. Л.
- Дидро, Д. (1859) Письмо Е. Р. Дашковой 3 апреля 1771 г. // Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон.
- Долгоруков, И.М. (1916) Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Пг.
- Екатерина II (1767) Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения. М.
- Елисеева, О.И. (2014) «Житие» в Alma Mater // Научные труды Московского гуманитарного университета. №2. С. 46–76.
- Звягинцев, А.Г., Орлов, Ю.Г. (1994) Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. М.
- Макогоненко, Г.П. (1956) Радищев и его время. М.
- Миранда Ф. де (2001) Путешествие по Российской империи. М.
- Монтескье, Ш.-Л. (1955) Избранные произведения. М.
- Овчинников, Р.В. (1995) Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. М.
- Панин, Н.И. (2000) Проект о фундаментальных государственных законах // Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М.
- Письма сестер М. и К. Вильмот из России (1987) // Е.Р. Дашкова. Записки. М.: Процесс А. Н. Радищева (1952) М. ; Л.
- Пушкин, А.С. (1962) Собрание сочинений. Т. VI. М.
- Радищев, А.Н. (1938a) Полное собрание сочинений. Т. 1. М. ; Л.
- Радищев, А.Н. (1938b) Полное собрание сочинений. Т. II. М. ; Л.
- Радищев, Н.А. (1872) О жизни и сочинениях А. Н. Радищева // Русская старина. Т. VI. № 11.
- Рюльер, К.К. (1996) История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М.

Сб. РИО = Сборник Русского Исторического Общества (1873). Т. XII. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, с 1762 по 1769 г. включительно. СПб.

Сб. РИО (1876). Т. XIX. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе с 1770 по 1776 г. включительно. СПб.

Сегюр, Л. (1996) Пять лет при дворе Екатерины II // Екатерина II и ее окружение. М.

Семенников, В.П. (1923) Радищев. Очерки и исследования. М. ; Пг.

Сорокин, Ю.А. (1989) Павел I. // Вопросы истории. № 11.

Старцев, А.И. (1990) Радищев. Годы испытаний. М.

Строев, А.Ф. (1998) «Те, кто поправляют фортуна». Авантюристы Просвещения. М.

Сухомлинов, М.И. (1888) А.Н. Радищев. Автор «Путешествия из Петербурга в Москву». СПб.

Тургенев, А.И. (2005) Российский двор в XVIII веке. СПб.

Тычинина, Л.В., Бессарабова, Н.В. (2009) «Она рождена была для больших дел». Летопись жизни Е. Р. Дашковой. М.

Шторм, Г.П. (1954) Страницы морской славы. М.

Елисеева Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета, член Союза писателей России.

Yeliseeva Olga Igorevna, Candidate of History, Associate Professor, Department of History, Moscow University for the Humanities, member of Writers' Union of Russia.

Великая Отечественная: готовность к войне или чудо победы?
О. Г. Жукова

The Great Patriotic War: readiness for war or a miracle to win?
O. G. Zhukova

Аннотация: Статья посвящена некоторым аспектам общественного сознания времен Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, общественное сознание, религия, фольклор, суеверия, наука.

Abstract: This paper is devoted to some aspects of the public consciousness in period of the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, the public consciousness, religion, folklore, superstition, science.

«22 июня ровно в 4 часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война...» — простые слова народной песни хорошо известны старшему поколению. А младшее, увы, подчас и представляет себе историю Великой Отечественной именно так примитивно, сообщая на экзамене: «Война началась в 4 утра 22 июня бомбёжкой Киева. Об этом и песня есть...»

Но поразительный факт — именно во время войны произошёл, можно сказать, последний бурный всплеск устного творчества, когда песни, частушки, анекдоты, пословицы рождались в самой гуще народа, когда сказители-«былинники речистые» слагали сказы в привычной древнерусской стилистике, но с иными действующими героями: богатырями-красноармейцами, славными воеводами-генералами и вождём Сталиным, защищающими «красноукрашенную» землю Советскую. А профессиональные фольклористы и журналисты едва успевали записывать новые народные произведения, выявляемые в фольклорных экспедициях, на многочисленных смотрах художественной самодеятельности и на фронтах.

В июле 1941 г. журналист газеты «Вечерняя Москва» Ф. Пещанская сообщает читателям об одном таком смотре:

«Наши песни, наши сказки-побывальщины

Метче пули, крепче стали, штыка вострого — поет колхозник из Карело-Финской ССР Т. Туруев» (Вечерняя Москва. 12 июля 1941).

Архангельская сказительница А. Суховерхова по-старинке живописует образ Родины:

«А ветвье серебряное,

А листье жемчужное.

Кругом той золотой вербы

Вырастала шелкова трава,

Трава зрелая и спелая...

Обогрело красно-солнышко,

Зацвели цветы лазурьевы...» (Там же)

Но:

«Не польется Двина-река
С подгоры на круту-гору,
Не бывать любым ворогам
На советской родной земле» (Там же).

В сказе «Сила храбрая красноармейская» Маремьяны Романовны Голубковой с Нижней Печоры говорится:

«Не боится ветров гора-каменна,
От ветров гора — она не сдвинется;
Не боимся мы врага-супротивника...
Мы сомнем, сокрушим врага-насильника...
Нет на всей земле такой силушки,
Чтобы выстояла против Красной Армии.
...Наша Красная Армия всенародная
Она воспеленана самим Лениным,
Вспоена, вскормлена самим Сталиным.
...Кто изведал волюшку, волю-вольную,
Не пойдет в неволюшку подневольную.
...Все от малого и до старого
Подымаемся мы за единое —
За великое дело, за народное...
Разгромим мы змеев-лютыхих!» (Там же)

Но не писалось в советских газетах об особом «жанре» фольклора, с первых дней войны порицавшегося и даже уголовно наказуемого — паникерские слухи и домыслы. Как показывают документы, об удивительных образцах этого «жанра» еще до войны знали в центральных органах власти.

Василий Шукшин как историк и... модератор будущего

Война... Можно ли быть готовым к ней? А можно ли не чувствовать её неминуемого приближения? Можно ли встретить её во все оружие? Страшное это слово пугает точно так же, как неизбежное слово — смерть. Можно ли подготовиться к смерти близкого человека, даже если он долго и безнадежно болен? Его уход, казалось бы, ожидаемый, всегда внезапен и застаёт врасплох...

Именно поэтому так нелепы и даже циничны рассуждения иных «специалистов» — историков, политологов, публицистов, обвиняющих руководство СССР то ли в коварной подготовке к войне, то ли в беспечном игнорировании подготовки. Но с разных сторон подходя к этому, так сказать, краугольному камню советской истории, мало кому приходит в голову поинтересоваться, что думали о приближении войны не партия и правительство, а рядовые граждане? Ждали войну или гнали от себя самую убийственную мысль о ней, навевающую поистине мистический ужас?

Документ из Российского государственного архива социально-политической истории обращает внимание на парадоксальный факт — глубинное народное сознание страны, официально объявившей о своём государственном атеизме, ожидало войну ещё в 1940 году, передавая из уст в уста жуткие истории, холодящие кровь, не оставшиеся не замеченными органами власти.

В Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) из отдела пропаганды и агитации Соликамского РК ВКП (б) были пересланы две докладные записки по фактам, вскрытым работниками райкома.

И.Т. Шаньгин сообщал: «За период моей командировки 21-22.2.1940 г. в Логовский с/с дер. Лога в беседе с комсомольцами Филипповым, Собяниной (учителем нач. школы Лога) выяснилось, что в Логах ходит такая легенда: якобы, ехала одна женщина (неизвестно какая) в г. Соликамск. Выезжая из леса, к ней выходит со стороны какой-то неизвестный человек, и просит её купить в Соликамске 3 носовых платка. Приехав в Соликамск, эта женщина купила три платочка (хотя в Соликамске платков и не было) и поехала обратно. Доезжает до этого места, где её просил неизвестный купить платочки. Опять выходит этот неизвестный человек и спрашивает: «Купила платочки?» «Да» — отвечает женщина. Он берёт один платочек, раздёргивает, и кругом — трупы людей; берёт другой платочек, раздёргивает, и полилась рекою кровь человеческая; берёт третий платочек, раздёргивает, и кругом появляется хорошая колосистая пшеница. «Это видение, — говорит неизвестный, — говорит за то, что в 1940 году будет хороший урожай, и его будет некому убирать». Весь народ, дескать, будет угнан на войну» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125).

Работник райкома Л.А. Чечубалин сообщает: «Будучи в д. Городище я временно остановился у счетовода колхоза т. Карнаева. Вечером к ним пришла девочка — Ключкина Анна, и в разговоре о том, что она боится идти домой вечером, пересказала говоренную ей какой-то женщиной версию. Ехал шофёр. Из лесу вышла голая женщина и легла перед ним на дорогу. Шофёр остановил машину, женщина встала и просила купить ей на платье. Возвращался шофёр с милиционером, и в том же месте опять выходит эта голая женщина и ложится на дорогу. Машина останавливается, женщина пытается попасть в кабину, где шофёр и милиционер. Её не пустили. Она крикнула: «Вот 40 год наступит, все будете так ходить!» Милиционер выстрелил, но никого нигде не было... Я со своей стороны кроме слов: «Глупости это всё, не верь, девочка», не сказал ничего, но считаю необходимым, чтобы вы вскрыли корни возникновения этой версии» (Там же).

Пожалуй, не предполагали работники Соликамского райкома, что сигнализирую об опасных слухах, ходящих в народе, выступали в роли собирателей фольклора!

Почитателям творчества великого русского писателя и кинорежиссёра Василия Макаровича Шукшина памятен схожий сюжет из кинофильма «Живёт такой парень». О страшном происшествии рассказывает шепотному шофёру Пашке Колокольникову деревенская старушка. Будто бы незадолго до начала

войны ехал водитель на грузовике по пустынной дороге, и вышла к нему незнакомая женщина совершенно голая. Шофёр хоть и оробел, но остановился, и незнакомка дала ему денег, чтоб тот купил ей белой материи на платье. Деньги те шофёр пропил, но потом в своём проступке раскаялся и купил ткань. Женщина, снова встретившаяся ему на том же месте, ткань приняла и спросила: «Ты зачем же мои деньги-то пропил? Ну, ладно, они ведь деньги-то не мои, а ваши». Объяснила старушка иносказательность сюжета Пашке так: «это смерть по земле ходила — саван себе искала» (Шукшин, 1991).

Выходит, ничего не выдумал Василий Макарович, а как настоящий документалист, отразил историческую правду даже в таком незначительном, казалось бы, бытовом эпизоде, перенёс реально услышанную историю в своё киноповествование. Но и стал своеобразным «модератором будущего», изменив трагическую интонацию народного сюжета на лирическую и жизнеутверждающую, возвёл в ранг мудрой притчи. Помните, бесшабашный шофёр, «ищущий свой идеал» в жизни, увидел во сне женщину в белом совсем в ином образе. Велела она ему в бабушкины сказки не верить, потому что «это не смерть была, это любовь по земле ходит... чтобы люди знали её, чтоб не забывали».

Астрономия на войне

Жизнеутверждающая вера в победное будущее была необходима всем гражданам страны, чья тревожная, но всё же, мирная жизнь была прервана ранним утром 22 июня 1941 г. И потому не только власть, но и многотысячное научное сообщество, и пресса Советского Союза делали всё возможное, чтобы, поддерживая веру в Победу, бороться с суевериями. Ведь суеверие — вера всуе, т.е. в суе...

Так, газета «Вечерняя Москва» 15 июля 1941 г. кратко и по-деловому комментирует небесное явление, взбудоражившее многих москвичей: «По поступившим в комитет по метеоритам при Академии наук СССР сведениям, в ночь на 12 июля в Москве и под Москвой (в Клязьме, Салтыковке и т.п.) наблюдалось интересное явление. Огромный огненный шар, достигавший, по некоторым сведениям, размеров луны, пролетел по небосводу в направлении на юг. По-видимому, это был болид — явление, вызываемое прохождением крупного метеорита через земную атмосферу. Всех лиц, наблюдавших это явление, просят сообщить в Комитет по адресу: Ст. Монетный пер., 35» (Вечерняя Москва. 15 июля 1941).

Последующие сообщения газеты отвлекают внимание граждан от досужих бабушкиных вымыслов, обращая их... к звёздам. 8 августа 1941 г. «Вечёрка» пишет об экспедиции астрономов в Алма-Ату: «Московская экспедиция едет наблюдать полное солнечное затмение. Ленинградская и Казанская экспедиция уже выехали» (Там же. 8 августа 1941). А в драматичном для столицы октябре, когда газета вышла с крупно набранной «шапкой»-призывом: «Каждое предприятие столицы должно стать арсеналом оружия для фронта!», журналисты извещали и о том, что: «Вчера в Москву возвратились астрономы, наблюдавшие полное солнечное затмение... Руководитель московской экспедиции

астрономов А.А. Михайлов сообщил: «Наблюдения дали ценные результаты; астрономы убедились в этом, посмотрев в Алма-Ате полученные ими фотоснимки. Много интересного и нового для науки дадут в частности фотоснимки, полученные с помощью четырёх крупных астрономических инструментов» (Там же. 15 октября 1941).

26 ноября газета публикует заметку «В московском планетарии»: «После временного перерыва Московский планетарий возобновляет послезавтра свою работу. ... Будут проводиться сеансы-лекции на темы «Астрономия на войне», «Астрономия для разведчиков», «Звёздный мир», «Есть ли жизнь на планетах», «Полное солнечное затмение 21 сентября 1941 года» (Там же. 21 сентября 1941). И уже 1 декабря — небольшой отчёт: «Лекция И. Шевлякова «Что может показать планетарий» прошла с большим успехом. Зрители с интересом следили за звёздным небом, движением солнца, планет, полярным сиянием. Они совершили «путешествие» на экватор и т.д. Присутствующие восторженно аплодировали, когда началась демонстрация восхода солнца над Москвой» (Там же. 1 декабря 1941).

Сталин о вере в судьбу

Уже в победном 1945 году вышла из печати в Ленинграде брошюра кандидата исторических наук Михаила Шахновича «Суеверия и научное предвидение». С привлечением цитат классиков марксизма-ленинизма и видных учёных разных областей знания автор повествует о многовековой истории предсказаний будущего, чётко разграничивая наивные попытки заглянуть вперёд с помощью карт, кофе, снов и предвидения, основанного на достижениях науки.

«Передовая наука даёт людям возможность удовлетворить их жгучее желание заглянуть в грядущее, но в течение многих тысячелетий суеверия и предрассудки мешали человечеству создать научное знание. Суеверия... толкали к ворожбе и гаданиям, обманывающим человека иллюзиями мнимого прозрения грядущего» (Шахнович, 1945), — объясняет автор. И, вспоминая недавнее прошлое человечества, с иронией рассуждает, что в «дикарском представлении... «подобное вызывает подобное», а значит, например, «нельзя есть зайца, так как это порождает трусость» *Там же). Приводит данные, что когда-то на Севере нашей страны только на шаманское колдовство расходовалось до 40 тысяч оленей.

И, неожиданно, в качестве своеобразного эксперта в мистике привлекает самого И.В. Сталина, который ещё в 1931 г. в беседе с писателем Э. Людвигом, размышляя над вопросом: «Вы неоднократно подвергались риску и опасности, Вас преследовали! Вы участвовали в боях... Вы остались живы. Чем Вы это объясните?», ответил, что в судьбу не верит. «Имеются и внутренние, и внешние причины, совокупность которых привела к тому, что я не погиб... «Судьба» это что-то незакономерное, нечто мистическое. В мистику я не верю. Конечно, были причины того, что опасности прошли мимо меня. Но мог иметь место ряд других случайностей, ряд других причин, которые могли привести к прямо

противоположному результату. Так называемая судьба тут не причём» (Там же), — так ответил глава советского государства.

И всё-таки странно, что бывший семинарист Иосиф Джугашвили, хорошо понимающий отличие веры от суеверия, на этот раз высказался без привычной ему однозначности, не сочтя нужным разъяснить хотя бы, какие внутренние и внешние причины имел ввиду. Или это писатель, не обладающий репортёрской хваткой и дотошностью, не решился расспросить подробнее.

Нет места «диктатуре профессорства»

Зато вожди и граждане фашистской Германии в перст судьбы верили безоговорочно. И значительная часть брошюры историка М. Шахновича написана именно на ярких примерах из стана недавнего врага. Например, некий граф Сотляв-Шлиссинг писал в лейпцигской газете «Абенд»: «Научное предсказание не может монополизировать права на точность и достоверность в ущерб более популярному в народе колдовству. Диктатуре профессорства не может быть места! Мы, культурные люди, за гадания» (Там же). А газета «Франкфуртер цейтунг» сообщала с восхищением, что «Германия стала ведущей страной в области астрологии». И «современные звёздогадатели делали благоприятные для фашистов предсказания, поддерживали всё то, что было вредно для прогресса и науки, ...называя себя не астрологами, а сторонниками «космической биологии» (Там же). В 1914 г. в Берлине было 100 предсказательниц судьбы, а к 1940 г. — около 10 тысяч, в Германии в целом было зарегистрировано 50 тысяч «профессиональных» прорицателей.

Казалось, страна, увлечённая астрологией, напрочь разуверилась в астрономии — в мае 1944 г. берлинские газеты отмечали рост клиентуры у гадалок, а когда появились сообщения об открытии новой кометы, немецкое радио призвало «не поддаваться старому предрассудку и не рассматривать это как предзнаменование катастрофы» (Там же). Не вдаваясь в подробности секретной работы организации «Аненербе» («Наследия предков») и даже не называя её, историк М. Шахнович в общих чертах обозначает направления «духовных исканий» вождей фашизма. Гитлер имел своих приближённых астрологов, Муссолини советовался с «великой ясновидящей Европы» мадам Лайлу. Гиммлер считал себя в «роковой связи» с германским королём Генрихом I, умершим тысячу лет назад, якобы, умел читать древнегерманские руны и разгадывать их пророческий смысл. Прибалтийский барон Розенберг доказывал в своих опусах полезность одурманивания населения предрассудками.

И даже командующий 11-й армией генерал фон Манштейн, к которому сегодня даже в среде российских историков принято относиться с определённым пиететом, в секретном приказе № 2603/21 предписывал всем предсказателям судьбы пророчить победное окончание войны для поднятия морального духа германской армии. Это было в 1941 г. И отнюдь не случайно датой нападения на СССР было избрано именно 22 июня — день летнего солнцестояния, с древности считающийся особым, поворотным днём года.

А в середине марта 1945 г. радио союзников по антигитлеровской коалиции передало сообщение своего стокгольмского корреспондента о том, что Геббельс велел всем немецким гадалкам, являвшимся по совместительству нацистскими агентами, предсказывать в один голос: Германия будет спасена духом Фридриха Великого, который воплотился в Гитлере.

Не случилось! Смесь из идеологем и символов древних индоарийцев, рыцарских орденов, христианства, масонства, астрологии, нумерологии и даже сатанизма и каббалы, многократно перемешанная и сваренная в крутую кашу в общем котле германской идеологии, дозировано разлитая в головы партийных бонз и простых обывателей, ошпарила народное сознание на долгие годы.

Каждое утро каждый немецкий солдат застёгивал на себе пряжку с хвастливой надписью: «С нами бог!», и шёл убивать, грабить, насиловать. Разве мог быть Бог с ним? Разве могла ему помочь в массовых убийствах людей свастика на рукаве — солнечный знак-коловрат, известный ещё древним ариям-солнцепоклонникам, обожающих силы света, но не силы тьмы, носимый и православным духовенством на праздничных облачениях? Нет, нет и нет!

Победили «чудом»?

А в воюющем СССР о Боге «напоказ» не вспоминали. Но с первых дней нашествия было распространено по всем церковным приходам обращение к верующим с призывом молиться за наше воинство. И в одном строю с комсомольцами и коммунистами вступали в бой за Родину люди верующие — представители всех традиционных конфессий СССР. А москвичам, пережившим оборону столицы, памятна Пасха 1942 г., когда радио вдруг передало не ставшие привычными сигналы воздушной тревоги, а приглашение прийти на праздничную службу во вновь открытые столичные храмы. И как только враг был отброшен с ближних рубежей, начало шириться и расти в стране движение по возрождению памятников истории и культуры — среди которых, прежде всего, оказывались храмы и монастыри. Восстановление патриаршества в России, отменённое ещё Петром Великим, открытие семинарий, набор нового поколения священничества из числа молодых верующих фронтовиков — все эти знаковые события церковной жизни также пришлись на военное время. А ещё поговаривают о чудесных пророчествах в годы войны св. Матроны Московской и даже о том, что она самому Сталину советы давала, как удержать Москву.

И всё это очень важно для представления разноплановой, многогранной и обширной панорамы битвы за Родину, но... Случается, что заканчиваются подобные разговоры воистину наивно — каким-то, мол, необъяснимым чудом победили мы, лапотные, самую сильную армию того времени. А чудо, оно ведь объяснения и изучения не требует!

Так вот, чудо это имело под собой весьма реальную основу. Не чудом, а титаническими усилиями всех граждан, честно, по совести, как перед Богом, ежедневно исполняющими свой долг перед Отчизной мы победили. И об этом «чуде» написаны уже и ещё будут написаны целые тома серьёзных исторических исследований.

Список литературы:

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125.

Вечерняя Москва. 1941.

Шахнович, М. (1945) Суеверия и научное предвидение. М.

Шукшин, В.М. (1991) Киноповести. М.

Жукова Ольга Германовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Московского гуманитарного университета, член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы.

Zhukova Olga Germanovna, Candidate of History, Senior Lecturer, Department of History, Moscow University of the Humanities, member of Writers' Union of Russia, member of Journalists' Union of Moscow.

**Тематика оформления станций
Московского метрополитена советского периода
М. С. Вальдес Одриосола**

**The Design Themes of Moscow Metro stations of the Soviet Period
M. S. Valdes Odriosola**

Аннотация: Статья посвящена основным темам монументального оформления подземных станций Московского метро, сооруженных в период существования СССР.

Ключевые слова: Московский метрополитен, тематика оформления, человек труда, спорт, дружба народов, Гражданская война и революция, Великая Отечественная война, советская семья, наука, искусство, полеты, сакральная тематика.

Abstract: Article is devoted to the main themes of monumental design of the underground Moscow Metro stations built in the period of existence of the USSR.

Keywords: Moscow Metro, the design themes, working people, sport, friendship of the peoples, Civil war and revolution, Great Patriotic War, soviet family, science, art, flights, sacral subject.

Прославление человека труда — одна из основных тем «сталинской» эпохи. На станциях Московского метрополитена того периода мы видим советских трудящихся как и в мирное время, так и в суровые годы Великой Отечественной войны. Однако этой тематике прямо или косвенно посвящено оформление всего пяти станций «Брежневской» эпохи и периода «Перестройки».

Еще одна из важнейших тем — тема спорта в СССР в «Брежневский» период исчезает вовсе со станций Московского метро и появляется всего на одной станции «перестроечного» периода — «Черкизовской».

Тема дружбы народов СССР, берущая свое начало еще с Декларации прав народов России от 2(15) ноября 1917 года (1986: 213-214), подписанная Лениным и Сталиным, также исчезает со станций Московского метрополитена в эпоху «застоя», а потом появляется лишь в 1986 г. на станции «Боровицкая» в совершенно иной интерпретации художника Ивана Николаева. Таким образом, деградировала одна из самых интересных тем «сталинского» метрополитена. Впервые мы видим ее еще в мирное время на станции «Театральная», на «Электрозаводской» — доблестный труд представителей советских республик в годы Великой Отечественной войны. Совершенно неожиданно она проявляет себя в послевоенный период — на станции «Курская» кольцевой линии, единственной станции Кольцевой линии, созданной в стиле классицизм, присутствуют элементы, напоминающие грузинское искусство. Это можно связать лишь с тем,

что в конце 1940-х гг., после доклада известного партийного деятеля той эпохи Андрей Ждановна «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» (Жданов, 1946: 7-22) на мастерскую академика Ивана Жолтовского начались гонения, в связи с борьбой с космополитизмом (Цапенко, 1953: 86). Но в начале 1950 г., когда Жолтовскому, Захарову и Чернышевой была присуждена Сталинская премия за проект жилого дома на Ленинском проспекте (1949) и станцию метро «Курская-кольцевая», гонения на школу Жолтовского прекратились. И, по-видимому, эти элементы были внедрены в классические мотивы в угоду тогдашней власти.

Появление же в Московском метрополитене накануне распада СССР произведений Николаева символично. Иван Николаев (внук З. Серебряковой и внучатый племянник Е. Лансере) выбрал своим творческим кредо антиэстетике, совершенно неприемлемую в монументальном искусстве советского периода. Еще Евгений Вучетич когда-то писал, почему он выбрал для творческого самовыражения именно монументальное искусство (Вучетич, 1963: 166): «...Если в произведениях других видов искусства может быть показано отрицательное явление жизни во имя его разоблачения и во имя утверждения положительного, то монументальная скульптура дает образ только положительного героя.

Создание образа положительного героя стало одной из важнейших проблем советского искусства уже в самый начальный период его существования. Этот образ был тем примером, который звал людей на борьбу за осуществление их светлых идеалов».

Хотя в истории искусства XX в. известны творцы, между прочим левых политических взглядов, которые использовали искусство для обличения. Один из них испанский художник Пабло Пикассо, который фактически тоже был монументалистом (Бердяев, 1994: 424) (Булгаков, 1993: 528-532).

Таким образом, рок-монументалист Иван Николаев становится совершенно сознательно «могильщиком» советской монументальной пропаганды в Московском метрополитене (он автор оформления нескольких станций. Это «Боровицкая», «Отрадное» и проект станции «Достоевская», созданный еще в 1980 гг. и воплощенный лишь в 2010-м). Эпоха советского монументального искусства в Московском метрополитене началась с Евгения Лансере (станция «Комсомольская» Кировской линии (ныне Сокольнической) и закончилась Иваном Николаевым.

А вот тему полетов в небо «Сталинской» эпохи в «Брежневский» период заменила тема полетов в космос. И это не удивительно, ведь СССР стал первой космической державой.

Тема прославления советской науки и искусства начатая в «Сталинскую эпоху», получила свое развитие и во времена «Застоя» и в период «перестройки». Правда, следует отметить, что если в «Застой» и «Перестройку» писателям и ученым посвящались оформления целых станций («Пушкинская», «Горьковская» (ныне «Тверская»), «Чеховская», «Менделеевская», «Тимирязевская»), то

художникам полностью, посвящена только одна станция — «Третьяковская», а музыкантам и вовсе ни одной. Деятели кинематографа вообще так и не «спустились» в Московский метрополитен, но все же есть одна станция, посвященная телевидению — это «Шаболовская».

Совершенно удивительные вещи происходят с темой Гражданской войны и Революции. Не такая уж популярная в «Сталинскую» эпоху, в период «Застоя» эта тема неожиданно становится основной. С одной стороны, это дань памяти павшим героям, а с другой — детище «левого МОСХа», в душе солидарного с диссидентским движением в СССР, начавшим набирать обороты с середины 1960-х гг. (Аникина, 2005: 11-33). Этим можно объяснить и то, что Великая Отечественная война в те годы в оформлении Московского метрополитена была практически позабыта.

Наиболее интересная и совершенно неожиданная в оформлении Московского метрополитена является сакральная тематика. Хотя можно предположить, что православие негласно использовалось советским руководством как основа построения социалистического общества.

Атеизм, как мировоззрение отрицающее религию, никогда официально не провозглашался в СССР как часть государственной идеологии. Однако, позиция В.И. Ленина сыграла решающую роль в отношениях государства и религиозных институтов. Религиозная деятельность никогда официально не была запрещена в СССР. Ленин писал о необходимости борьбы с религией так: «Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс» (Ленин, 1964-1981: 418).

Что парадоксально, сам К. Маркс, будучи атеистом, никогда не призывал к активной борьбе с религиозными институтами. А его высказывания были переиначены большевиками. Например, Маркс писал: «Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» (Маркс, 2000: 159). В данном случае мы видим, что речь идет не о ленинской «духовной сивухе», а средстве, облегчающем страдания угнетенных народов. Поэтому агитпромовское выражение «опиум для народа» не является марксистским (Вахитов, 2004: Электр. ресурс).

Но, тем не менее, борьба за полное уничтожение религиозной жизни в СССР велась НКВД вплоть до 1939 г.

Государство боролось с Православием не только разрушая церкви и арестовывая священнослужителей, но и с помощью искусственного инспирирования расколов, самым крупным из которых стал «обновленческий» (Там же).

Для более быстрого разрушения культовых учреждений в 1928 г. Главнаукой было принято решение о том, что неприкосновенными памятниками архитектуры на территории СССР считать лишь постройки, сооруженные до

1825 г., чем инициировало массовый снос храмов. Таким образом, с 1917 по 1991 гг. количество храмов уменьшилось с 78 тыс. до 7,5 (Алексий II, 1991: 221-222).

Однако, в самый разгар борьбы с религией 2 марта 1930 г. в газете «Правда» появилась статья Сталина «Головокружение от успехов» (Сталин 1997: 71-83), после которой выходит постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», которое, в том числе, обязало местные партийные организации «прекратить практику закрытия церквей в административном порядке». Тем не менее, это не помешало началу в 1932 г. «Безбожной пятилетки», начало которой положила XVII партийная конференция. На конференции была сформулирована главная политическая задача второй пятилетки — окончательно ликвидировать капиталистические пережитки, в том числе полностью уничтожить религию в СССР к 1937 г. Эта политика проводилась вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Но окончательные перемены в отношениях религии и государства произошли уже после коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, многое поменялось во внутренней политике нашего государства. У государства снова возник интерес к национальной истории, а также прекратились гонения на религиозных деятелей, снова открылись многие храмы. 14 сентября 1943 г. при СНК СССР был создан Совет по делам русской православной церкви (СДРПЦ); 19 мая 1944 г. — Совет по делам религиозных культов (СДРК), на которые возлагались задачи осуществления сношений между правительством и, соответственно, Московской Патриархией и «религиозными объединениями мусульманского, иудейского, буддийского вероисповеданий, армяно-григорианской, старообрядческой, грекокатолической, католической и лютеранской церквей и сектантских организаций». Глоток свежего воздуха после репрессий 1930-х гг. и самого тяжелого периода, самой страшной из войн в истории человечества, вдохновил тогдашних творцов на создание многих шедевров архитектуры, монументального и изобразительного искусства, примером которых являются станции Московского метрополитена того периода. Это самые удивительные и парадоксальные станции, созданные как бы вопреки ленинской монументальной пропаганде (Вахитов, 2004: Электр. ресурс).

Такой сакральный элемент, как небо, мы видим на сводах станций Московского метрополитена с 1938 г. (станция «Маяковская»). Но истинно «сакральный период» начался в Московском метро с 1944 г. На фасаде наземного вестибюля станции «Бауманская» можно увидеть изображение храма Василия Блаженного. На станции «Партизанская» (1944) стоят на платформах у ближайших к выходу колонн скульптуры истинных народных святых — героев-партизан Зои Космодемьянской и крестьянина Псковской области Матвея Кузьмина, повторившего в 1942 г. подвиг Ивана Сусанина (скульптор М. Маннер).

Следует отметить, что ранее для оформления станций метро использовались только собирательные образы (за исключением изображений вождей),

например, некоего обобщенного спортсмена или героя. Однако здесь мы видим два вполне конкретных и узнаваемых образа людей, чьи имена стали нарицательными в годы войны.

Памятник Кузьмину — собирательный образ крестьянского героя, в чьих руках была «дубина народной войны» Недаром его часто принимают за Сусанина, которого и по сей день знают все. А вот, к сожалению, Матвея Кузьмина, из-за отсутствия интереса со стороны средств массовой информации, сейчас мало кто помнит (1970: 94-96).

О Матвее Кузьмине стало известно благодаря писателю Борису Полевому. Родился Матвей в 1858 г. в деревне Куракино, ныне Великолукского района Псковской области в семье крепостного крестьянина, за три года до отмены крепостного права. Никогда не состоял ни в партии, ни в колхозе (!), то есть в советском понимании был «кулаком».

Вчерашняя московская школьница Зоя Космодемьянская (1923-1941) стала первой женщиной, удостоенной звания Героя Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. И как пишет социолог Сергей Кара-Мурза (Кара-Мурза, 2000: 369-370):

«...она была мученицей, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха (как, скажем, Лиза Чайкина). И народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно ее выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И ее образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа».

Но «Партизанская» это еще только начало. Далее следует вспомнить «Калужскую» (ныне «Октябрьскую» Кольцевой линии) (архитектор Л. Поляков, 1950) — станцию с «алтарем» в торце и наземным вестибюлем, купол которого напоминает церковный, украшен барельефами с изображением боевых знамен, оружия и фанфар, а также похожими на ангелов фигурами девушек в военной форме (скульптор Г. Мотовилов).

Также уже в 1953 г. Поляковым была создана станция «Арбатская» Арбатско-Покровской линии, напоминающая шедевры «московского барокко» XVII века.

Самыми же религиозными станциями Московского метрополитена являются открывшиеся в 1952 г. «Комсомольская» (архитектор А. Щусев, художник П. Корин) и «Новослободская» (архитектор А. Душкин, художник П. Корин) Кольцевой линии.

Архитектор Алексей Щусев (1873 — 1949) — автор Мавзолея В.И.Ленина на Красной Площади и Марфо-Мариинской обители, проекта одной из первых советских гостиниц «Москва», учувствовал в разработке первого плана Реконструкции Москвы (1918-1925) (1980: 324).

Художник Павел Корин (1892-1967), один из самых известных русских художников XX века, происходил из семьи иконописцев. Главными его учителями были Александр Иванов и Михаил Нестеров (Разгонов, 1978: 43-55). Ко-

рин полностью разделял отношение Нестерова к искусству, для которого художественное творчество было духовным подвигом.

Станцию «Комсомольская» без сомнения можно назвать триумфом русской национальной идеи, воплотившейся в монументальных портретах русских полководцев, начиная с Александра Невского.

В оформлении станции помимо советской символики, мы встречаем еще и символику Российской Империи и изображения икон (например, на знаменах Александра Невского и Дмитрия Донского). И это несмотря на то, что на одной из мозаик мы видим В. И. Ленина на Мавзолее, а когда станция открылась, на трех мозаиках изначально присутствовало еще и изображения Сталина.

В тот же день, что и «Комсомольская», в Москве открылась еще одна станция Кольцевой линии — «Новослободская», в создании которой тоже участвовал Павел Корин, а архитектором был Алексей Душкин.

Торцевую часть станции украшает мозаичное панно «Мир во всем мире», на котором, несомненно, изображена Богородица. На пилонах расположены витражи, сделанные по эскизам Корина в Риге, в мастерских Латвийского отделения Художественного Фонда СССР. Влияние прибалтийского искусства делает станцию чем-то похожей на готический храм. Эти яркие декоративные витражи преисполнены торжественности, строгости и органной музыки.

Хотя период после смерти Сталина и называется «хрущевской оттепелью», он ознаменовался новой антиклириканской кампанией в СССР. Кампания эта проходила под лозунгом борьбы со «сталинизмом». Именно Н.С. Хрущеву приписывают высказывание, когда он обещал показать последнего попа по телевидению в 1980 г. В тот период были отменены все постановления 1940-х гг. о восстановлении религиозной жизни в СССР, а в 1964 г. был создан Институт научного атеизма. Эта политика продолжалась вплоть до распада бывшего СССР (Вахитов, 2004: Электр. ресурс).

Однако, в «Брежневскую эпоху», когда монументально-художественное оформление вернулось на станции Московского метрополитена, мы видим в произведениях художников-монументалистов отголоски сакральной тематики, которая получила свое развитие в период «Перестройки». Однако здесь следует отметить на потолочных сводах последующих станций мы больше никогда не увидим такого сакрального элемента как небо, что можно расценивать как лишение «сакрального» статуса Московского метрополитена в целом.

На станции «Таганская» (1966) Ждановской линии (ныне Таганско-Краснопресненской) силуэты церковных куполов появляются среди панно, посвященных освоению космоса (художник Э. Ладыгин). А вот оформление станции «Коломенская» — чеканные панно «С чего начинается Родина» (художник Э. Ладыгин), является как бы идеологическим продолжением оформления станции «Комсомольская» Кольцевой линии — это история России (позже СССР) с древнейших времен до наших дней неразрывно связанная с Православием. Также церковь с высоты птичьего полета можно увидеть на путевой стене

еще одной станции «застойного» периода — станции «Медведково» (1978) (художник М. Алексеев).

Список литературы:

- Алексий II (1991) Речь к раввинам г. Нью-Йорка 13.11.91. М.: Паллада.
- Аникина, Н. (2005) ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ. Творчество московских монументалистов 70-90-х годов глазами заинтересованного наблюдателя. М.: Екатеринбургский художник.
- Бердяев, Н. (1994) Философия творчества, культуры и искусства в 2-х томах. Т. 2. М.: Искусство.
- Булгаков, С.Н. (1993) Труп красоты: По поводу картин Пикассо. Сочинения. Т. 2. М.: Наука.
- Вахитов, Р.Р. (2004) Критика религии у Карла Маркса. Альманах «Восток», выпуск № 3 (15), март 2004. [электронный ресурс] — http://www.situation.ru/app/j_art_346.htm (дата обращения: 20.08.2013).
- Вучетич, Е.В. (1963) Художник и жизнь. М.: Изд-во Академии художеств СССР.
- Декреты Советской власти (1986) М.: Политиздат.
- Жданов, А. (1946) Доклад «О журналах «Звезда» и «Ленинград»». //Звезда. № 7-8. С.7-22.
- Кара-Мурза, С.Г. (2000) Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм.
- Ленин, В.И. (1967–1981) Об отношениях рабочей партии к религии (13 (26) мая 1909 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. 5-е изд. М.: Политиздат.
- Маркс, К. (2000) Социология. М. «Москва». Энциклопедия (1980) / гл. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Советская энциклопедия.
- Подвигу жить века! (1970) М.: Правда.
- Разгонов, С. (1978) Высота. Жизнь и дела Павла Корина. М.: Советский художник.
- Сталин, И.В. (1987) Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М.: Писатель.
- Цапенко, М.П. (1953) О реалистических основах советской архитектуры. М.: Гос. изд. литературы по строительству и архитектуре.

Вальдес Одриосола Мария Сантьяговна — аспирант кафедры социологии Московского гуманитарного университета, член Московского отделения ВТОО «Союз художников России».

Valdes Odriosola Maria Santiagovna, Postgraduate Student, Department of Sociology, Moscow University for the Humanities, Member, Moscow section of the Union of Artists of Russia.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИСТОРИЯ

- Алексеев С.В.* Образование Дуклянской державы в «Летописи попа Дуклянина» и других источниках 4
- Елисеева О.И.* Чувствительный исполнитель 16
- Жукова О.Г.* Великая Отечественная: готовность к войне или чудо победы? 47

СОЦИОЛОГИЯ

- Вальдес Одриосола М.С.* Тематика оформления станций Московского метрополитена советского периода 55

Правила представления рукописей авторами и требования к оформлению представлены на официальном сайте:

http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

На сайте также представлены содержание всех выпусков/номеров и полный список публикаций в журнале «Научные труды Московского гуманитарного университета».

Модуль